

Литературная газета

№ 63 (554)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Пятница, 15 ноября 1935 г.

К СОВЕЩАНИЮ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Успехи ленинско-сталинской национальной политики привели к бурному подъему культурной революции в национальных республиках и областях. Подготовлена грамотность в прошлом слепые неграмотные народы, создание своей социалистической интеллигенции из трудящихся угнетенных в прошлом национальностей, зарождение и крупные успехи национальных литератур, театра, живописи и музыки — все это ставит каждый день все более настоятельную проблему приближения отсталых в прошлом народов к сокровищам мировой и русской литературы.

Бурный рост наблюдается по-прежнему во всех областях культурной работы, но по всем республикам, как правило, от этого общего подъема отстает переводческая работа. И не столько в национальных языках на русский и западные, сколько наоборот.

В Средней Азии есть республики, которые располагают на родном языке из всей сокровищницы русской и мировой литературы — только «Гамлетом» и «Ревизором». А такая республика, как Кара-Калпак, до сей поры не имеет на родном языке ни одного переводного художественного произведения. Потребность же в переведенном классическом произведении огромна. Надо ли говорить, как велико значение овладения классическим наследием на родных языках. Для этого достаточно упомянуть влияние французской, английской и немецкой литературы на прогрессивные демократические элементы русского общества в конце первой половины XIX в. Именно взаимодействие с лучшими образцами прогрессивной художественной литературы Запады укрепило интернациональную широту взглядов великих демократов-шестидесятников.

В наших же национальных республиках, в особенности у наиболее угнетавшихся при царизме народов, литературу, если они плохо знают русский язык, сравнивать не с чем. Вот почему великие иранские поэты, жившие тысячу и больше лет назад, до сих пор являются по сути единственными образцами для поэтической молодежи в некоторых республиках. Отсюда очень часто националистические высказывания пытаются под видом пропаганды национальных литературных традиций и приемов привнести в пантуркские настроения, которые иногда и просачиваются в произведениях молодых поэтов, как дань некритической учебы у средневековых феодальных авторов. Формула «национальное по форме, интернациональное по содержанию» обретает плоть и кровь там, где это интернациональное содержание перелается из практической борьбы за социализм и мировую сокровищницу человеческого знания и художественной литературы в частности. Без этого в области литературного творчества от национальной ограниченности и идеологических вывихов не уйти.

Вот почему вопрос о добросовестном, высокохудожественном переводе классического наследия на национальные языки становится как задача первоочередной важности. Ибо плохой перевод только способен испортить дело. Уж на что татарская литература не может похвастаться на недостатком людей, знающих русский язык, а там переводчик пушкинские строки «слезы неволей», как «слезы неволеи». И это не исключение. Надо ли удивляться, что плохо говорящий по-русски, но сносно знающий литературный язык молодой туруецкий писатель, читавший неудовлетворительные переводы Шедрина, пре-

небрежительно отзывается о нем и противопоставляет ему, как образец, Молла Насреддина.

То, что на национальные языки могут переводить хорошо, это видно из опытов по переводам сочинений Ленина и Сталина. Что касается художественных произведений русских и мировых классиков и современников, они еще ждут своей очереди.

Межнациональные переводы, громкое начало которым положили своими работами Пастернак, Тихонов, Антокольский, Асеев, Луговской, Адалис, Светлов, Державин и другие русские поэты, переводившие с грузинского, армянского, украинского, белорусского и тюркского языков (Азербайджан) обогатили многонациональную советскую поэзию новыми мыслями, чувствами, впечатлениями и сделали в год, что каждый национальный отряд в отдельности мог бы рассчитывать сделать только за десятилетия. Однако эта важная работа идет еще самое, что и сопряжена с огромными трудностями. Прежде всего, все переводчики делают, как правило, по подстрочникам, в распоряжении переводчиков нет сколько-нибудь сносных толковых межнациональных словарей и справочников, не разработаны до сих пор вопросы поэтики ни одной братской поэзии. В этих условиях, естественно, плохо или вовсе не переводится классическое наследие среднеазиатских народов, мертвым грузом лежат сотни тысяч строк фольклорных записей (огромные фольклоры собраны и не переведены еще в Казахстане, Кара-Калпаки, Киргизии, Калмыкии и т. д.).

Не лучше обстоит дело и с методикой переводов. «Смысловники» отстаивают право на поэтическое творчество переводчика, «дословники» требуют совпадения слогов и ритма в переводе. Причем самое плохое не в том, что существуют две «школы» переводчиков, а в том, что переводчики ни разу не имели возможности поспорить по всем волнующим вопросам мастерства. Мы не помним ни одной дискуссии на этот счет в нашей литературной печати. А спорить есть о чем.

Наконец, проблема кадров. У нас до сих пор не существует ни одного учебного заведения, готовящего специалистов художественного перевода с русского и с западных на восточные языки и наоборот. Есть институт, готовящий переводчиков с западных языков на русский, но нет института языков народов СССР. Но и те кадры переводчиков, которыми располагают братские литературы, находятся далеко не в блестящем положении. Рост их творческой квалификации, материально-правовое положение, отношения с редактором заставляют желать лучшего.

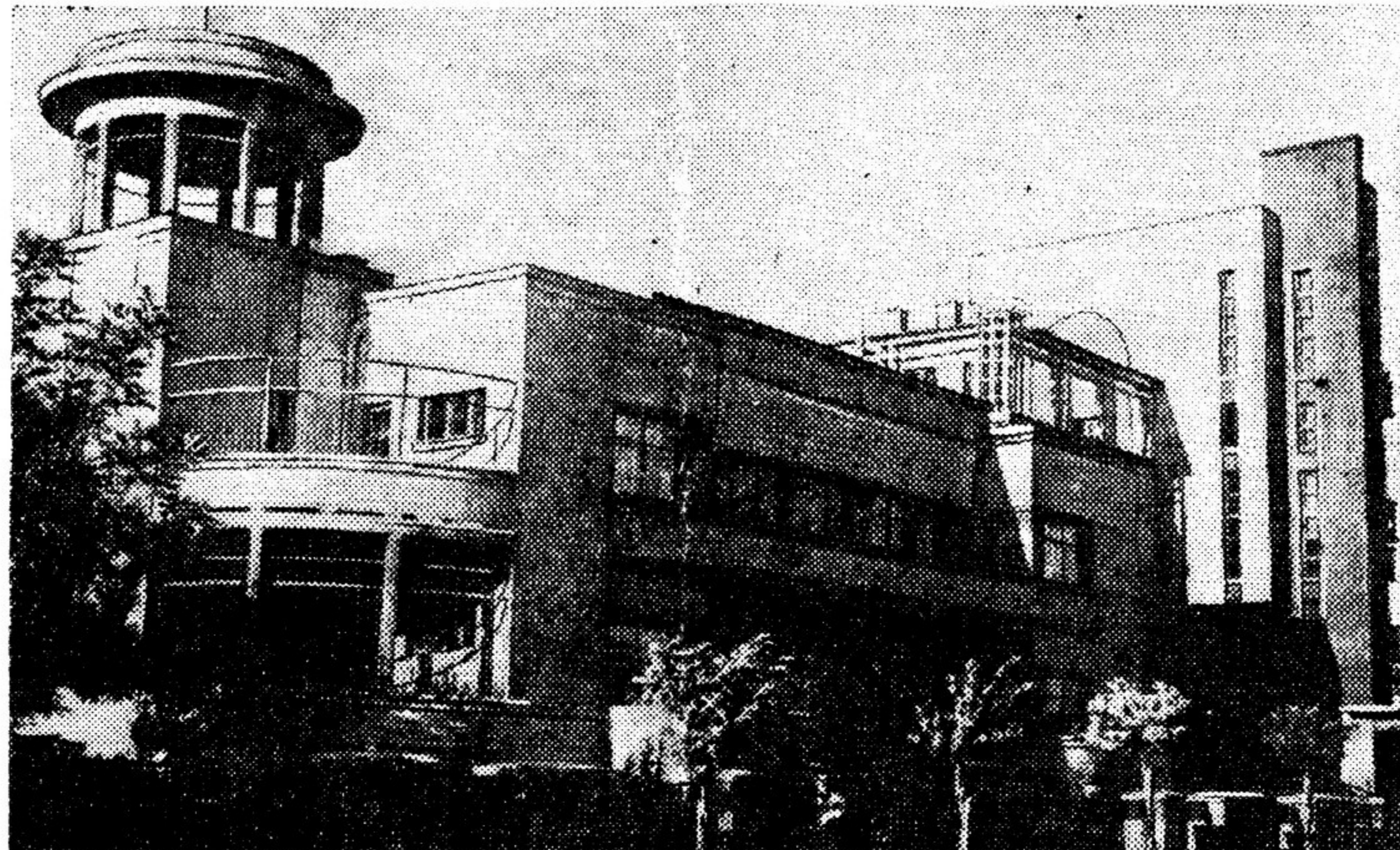
Чтобы положить начало планомерной работе с переводческими кадрами и разрешить все названные вопросы, в декабре, по решению правления ССП СССР, созывается первое всесоюзное совещание переводчиков. Вся наша литературная печать должна как следует подготовиться к этому чрезвычайно важному началу сотрудничества. Необходимо, немедленно, на страницах всех литературных газет поднять дискуссию по вопросам переводческой работы.

Дело межнациональных переводов — один из могучих факторов интернационального воспитания широких народных масс. Обогащение литератур братских народов сокровищами мировой литературы — задача, стоящая перед нами во весь рост.

Каждым путем, чем может он помочь сельской библиотеке. Конкурсы выданы 15 книг и должен закончиться к 1 января 1936 г. Недавно в библиотечном управлении Наркомпроса состоялся пленум конкурсов. Созданы представители конкурсных комитетов из 25 краев и областей. Они рассказывали о начавшемся движении.

Особенно интересно разрабатывается работа в Кубышевском крае, большой охват в работе Западной области, вплотную выдвинула за работу Калининская область, Крым. Идет работа по плану. Библиотеки ремонтируются, украшаются, пополняются новыми книжками, книги переплетаются, обустраиваются читальни, растет число читателей, читатели чаще посещают библиотеку, принимают участие в наживании ее работ. Чувствуется, что конкурсы пойдут, что выдвигаются, в точку, отвечает на все потребности.

Но хочется, чтобы не только было как можно больше сельских библиотек, чтобы работа их была как можно лучше налажена, чтобы библиотеки на селе возможно лучше обслуживали население; хочется, чтобы сельские библиотеки стали подлинными культурными очагами. Для этого необходимо, чтобы к конкурсной работе привлеклись все культурные силы страны, каждый помогал бы сельской библиотеке по-своему. Не в том только дело, чтобы послать в библиотеку несколько хороших книг или пару рублей, — надо приложить каждому,

К пятнадцатилетию освобождения Крыма. Дом правительства Крымской АССР в Симферополе (выстроен в 1934 г.).

ПЕРЕКОП

МАТЭ ЗАЛКА

Когда Врангель почувствовал могучею хватку Красной армии, и его хребет затрепетал под тяжестью наших ударов, он изменил свое решение сражаться с нами на равных полях Северного Таврича и поспешно отступил к югу. Товарищу Фрунзе очень хотелось, чтобы Врангель принял бой именно под Крымом. Пополненные дивизия фронта и прибывшие Первой конной армии обеспечили здесь решительную победу «на коротком».

Та территория, которую врангелевцы отводили в течение шести военных и летних месяцев, в первые же дни нашего наступления стала стремительно уходить из-под ног белых. На их фронт посылались арестные удары со всех сторон. Глубоко в тылу сидела оцепеневшая Кавказская группа.

Когда белые дрогнули, армии и дивизии получили приказ от штаба Фронта:

— Преследовать, преследовать и на плечах уходящего противника возвращаться в Крым.

Нам было известно, что в течение лета врангелевцы укрепили все входы в Крым, ловили эти укрепления до предела современной фортификации. Поэтому и торопил нас приказ командировавшего не отрываться от врага, идти по пятам, по пятам.

Но тут-то сказались превосходство белых над нами, тут сказались незаурядные способности нашего врага Врангеля. Когда ему понадобилось отступить, стремительно ушел, — как мы говорили, юркнул в Крым, — и, опеченившись всеми средствами огневой и фортовой защиты, остановил наше наступление.

Мы очутились на берегу мутного, холодного, неприветливого моря — Сиваша. Налпаго от нас несправедливо гремела артиллерия белых и строчили пулеметы — там шла атака за атакой. Дивизия т. Влодары (61-я), латвийская дивизия и недавно прибывшая из Казани, олетая как рыцари, и дерушась действительно по-рыцарски, огневая бригада, сменяя друг друга, смывая ряды над нашими гландами, шли в атаку на Перекопский вал.

Моя дивизия пошла к Сивашу. Она уже второй раз была в этих местах: прошлой осенью наша дивизия преследовала здесь отступающих денкишевцев. Весну и лето дивизия провела в борьбе с врангелевцами.

Это была 46-я дивизия товарища Фелько. (Нацподпол — т. Мехлис).

Нашей задачей было следить за действиями присоединившихся к нам махновцев. Главным образом это наблюдение возлагалось на кавбригаду, прикомандированную к дивизии.

Влево от нас, в коротких промежутках затихав ветра, слышалась канонада со стороны Чонгара. Горняки, что там закипала вода Сиваша от страшного дождя гранат. Там шел бой за овладение каменной дамбой железной дороги и за возведение маленького деревянного мостика, сожженного белыми. Там стояла в резерве Первая конная. Там ожидал возвращение моста, по которому можно будет вернуться на Чонгарский полуостров.

Наша дивизия, вернее, группа тов. Фелько, в которую входили несколько дивизий и отдельных бригад, шла от Рождественской Отряды через Ашкани-Нова (бывшая тогда полевой штаб южфронта) на Громовку. Когда мы покинули село Отрада, поднялся необычайной силы ветер. Конки под всадниками шатались. Всадники впились в конские тела шенкелями и руками, иначе ветер снес бы его с коня. Ветер был холодный и душный. Мы кочегели, задыхались и замерзли на ходу.

Мы проходили поля недавних боев. Пересекли несколько линий прекрасных возведенных окопов с превосходными заграждениями. В поле то тут, то там попадались раздетые трупы убитых. Трупы белых, как обглоданные кости. Они уже не журились в одежде, а живые замерзали от всевозрастающего холода.

Крымский фронт жестоко ругали походу Врангеля, его преследовали нам путь. Против нас объединилась вода и огонь, и нам казалось, что ветер тоже на их стороне. Мы проклинали ветер.

В Громовке нельзя было найти ни одной хаты и двора, не занятых частями. Мы очутились на дворе, вернее, на улице. 7 ноября к вечеру мы получили приказ двинуться на Страногазов, расположенный на самом берегу Сиваша в непосредственной близости к Перекопу. Мы поняли, что нас поставили в первый резерв частей, атакующих вал.

Ветер то крепчал, то затихал и вновь возобновлялся арестными порывами. Прибыли мы в Страногазов еще затемно. Василий Васильевич Шеметов, бригад которого за это время выросла в самостоятельную группу, послал меня установить связь с находившимся в селе частями (опеку и как будет подниматься в атаку 15-я дивизия т. Раулемына и части 52-й дивизии. Везде стояли отряды постоянной армии «батьки Махно» (они были удивительно тихи и смирны в эти дни). В поисках авторитетного штаба я наткнулся на оперативный отряд полевого штаба Фронта. Около дома пона увидел я автомобиль самого командировавшего. Пять минут, проваленные около полевого штаба Фронта, могут быть очень много фронтальному командир. В эти пять минут я узнал больше, чем за последние пять дней. Но то, что я узнал, было мало утешительно для нас.

Буденновцы, пытавшиеся прорваться через длинную коосу Арабаской Стрелы, были отброшены огнем авиационных мониторов. Город Геническ горит от разрывных гранат врага. У Чонгара 30-я дивизия терпит поражение за поражение, под Перекопом части идут отступательный раз в атаку и все безрезультатно. Белые коварно подпускают их к проходам и сразу, как в оркестре, начинают строчить десятки пулеметов. Но устал и другое командир т. Корг концентрирует артиллерию против вала.

В этот вечер мы должны были праздновать третью годовщину Октября. Мой комиссар хотел приложить этому делу торжественный характер и подчеркнуть интернациональность праздника. Иван Григорьевич Пиллола, начальник штаба нашей группы, сказал, что он будет доволен, если бойцы и кони переплет под крышами, а ежель переплет под ежель по тарелке вчерашнего подогретого борща, то это и будет настоящий праздник.

В Страногазове было темно и шумно. Я не мог уйти от штаба Фронта, куда тангулись проводы, куда прибывали ординарцы, мотоциклы и автомобили.

Ветер рвал небольшой флажок над воротами дома, и я почувствовал то, что всегда чувствуешь перед боем:

— Что-то должно совершиться... Или мы пойдем в атаку или... Положение было ясным и страшным. Арабаская Стрела блокирована огнем, мосты Чонгара стоят под губительной метким артиллерийским обстрелом. Сиваш непроходим. Перекопский вал неприступен. Командир Фронта шлет прямо на берег Сиваша, можно сказать на передовой линии фронта. Ветер ревет и выдувает из нас последние остатки тепла. И вот произошло то, что называется чудом.

Явился к т. Фрунзе старый рыбак села Страногазовки т. Обилин, приняв его к командиром пресекком села т. Литвиненко.

— Говори старик, в чем дело? — сказал Михаил Васильевич, оторвавшись от слушания повесели.

И рассказал старик Обилин, что бывает осенью. Когда подымается шторм, ветер уносит воду из Сиваша в Азов, тогда много камбалы не успевают уйти с волы и остаются в ямах. Но чорт с ней, с камбалой! Дело в том, что две Сиваша обматываются и... тогда не надо ехать кругом через Перекоп, а можно идти прямо через Литовский полуостров и Карапалай на Армянск. Всего девять верст, а так кругом — двадцать пять.

Тов. Фрунзе оставил дом поща, переселился на самый берег, в рыбачий дом старика, и в ту же ночь начал расчистить путь к дну Сиваша. К двум часам ночи расчистили дошли до проволочных заграждений белых.

На самом носу Литовского полуострова расположился прожекторный батарея белых. Прожекторы шаряли по уходящим волкам. Но ветер нес о собой густой туман, и пулеметы карабкав заговорили только тогда, когда зазвенели колокольчики, которыми была обвешана проволока. Но было уже поздно. Колокольчики из старых консервных банок и потрохуем застонали под ударами тесаков бойцов дивизии т. Раулемына.

Это была неопытная и страшная дивизия белых атака с моря. Мы овладели Литовским полуостровом и шли в обход правого фланга тех, кого зацепила Перекопский вал.

И напрасно вернулись воды Сиваша. Мы строили на дне гати. Шла артиллерия, конница. Когда мы под утро спустились по обрывистому берегу Сиваша на гать, на берегу стоял т. Фрунзе и что-то крикнул нам. Мы не расслышали его слов, но в ответ по-красноармейски закричали «Ура-ра!». Товарищ Фрунзе поднял руку к шапке. Наша группа шла к Караповой балке. Влеveled шли махновцы. Длинный ряд их тачанок мчался по шаткой гати. Среди тачанок кохлялся какой-то лимонно-лиловатый, говорили, что в нем сидит помощник Махно, анархист Волков.

Иван Григорьевич Пиллола пробурчал:

— Ух, зарубить бы его, длинноволового гада, тут же...

Мы ехали мимо разгромленных батарей белых. Валлялись трупы вперемежку с перастрелянными снарядями. Намстречу нам вели плетных врангелевцев.

У Караповой балки шел бой. Мы уже были на крымской стороне. Из хутора Воронцова-Данкова на нас выехала лавой отборная кавалерия генерала Варьбонца. Мы выстроились в каре.

— Как могла пробраться конница в тыл наших частей?

Махновцы ступились в кучу. Началось то, что предвещает пантбука. Но к махновцам метнулся черная бурка Василия Васильевича Шеметова, и послышался его высокий резкий голос. Махновцы обернулись и увидели нас. Влево от нас выходила ступень одна из дивизий Второй конной. Судьба боя была решена. Длинный ряд тачанок принял боевой порядок... и затрещали неестественные пулеметы махновцев. Бой длился много.

Это был последний бой. 15-я дивизия у Караповой балки прорвала фронт обороняющихся кубанцев. Генерал Фостков устал к Джанкоку, вез Врангеля вестю о полном разгроме. Мы неудержимо рвались на юг.

Когда вы едете на отдых в Крым, никогда не забывайте, что тепло, свет, море и радость отдыха добыты вам бесстрашными воинами Красной армии, которых вели на штурм бесстрашных стратегий революции.

Ю. ЯНОВСКИЙ

Перевод с крымско-татарского А. БУЛДЕЕВА и Ген. ПАНИНА.

ЭШРЕФ ШЕМЫ-ЗАДЕ ТЕПЕРЬ

Пой, поэт, пусть услышат сегодня от края до края, Что ноябрь глядится не как весна, как весны синева, Что свободно вздохнул полуостров, ядро отражая, В этот день, как Буденный прошел неприступный Сиваш.

Оледей Чатыр-Даг по иссеженным шрамами скатам, И оттуда глядится в необъятный, туманный простор: Разнобкий прекрасный, тяжелою кистью муската В изобилии зелени Крым весь влады распростерт.

Что за сила сумела стереть вековые обиды, — И татарин, и русский, и немец, взгляните — одно. Что за дивная сила красавицу нашу Тавриду Так желанно впледа в этот братских республик венки.

Что за сила историю заново дерзко открыла, Отделила суровой чертой былого следы, Сколько крови средь схваток в стекле Сивашей растворилось, В беспредельном покое соленой и горькой воды.

Вот осеннее солнце, свой глаз из-за тучи зажмурил, На полотно зеленые озими бросило тень, Так и кажется — вавоет тот голос губительной бури, Что недавно в степях этих мир нарушал деревню.

Здесь недавно, в двадцатом, ревели, стояли орулия, Вся окрестность дрожала, как в бурю согнутая жердь, И на вспаханном поле не плуг, не зерно и не люди, Засекала Антанта ползунами танками смерть.

Что такое олодо лишь пятнадцатилетие — эпохе, Ведь могли еще не успели сравниться с землей; В этом поле уже не звучат ни снаряды, ни вздохи, Лишь колонны комбайнов грохочут веселой волной.

Не ковыль, не польня расцветают, шумя над степями, А сады виноградная, хлопчатая, тау-сагунца поля, Над могилами павших не слезы струятся ручьями, А днепровской волыюй начинается поиться земля.

Вот вчерашний батрак Мустафа из села Дерекоя, На балконе Дворца в ливадийских душистых садах, С дагестанским колхозником планы на опыте строит, Собирая энергию к новым привычным трудам.

На чаше хлопковым, раскинутом скатертью снежной, Бригадир-комсомолец, примерный ударник Рушен, Перевыполнил порку работой искусно-привлежной, Новой радости полон свою обнимает Аише.

Эй, великая стройка, зажженная пламенем боя, Грудь обята восторгом на гребне победной волны, В схватке классовых битв призывает, упорство утроя, Восходящее солнце бесклассовой юной страны.

ПУСТЬ СОЗДАЕТСЯ ЛЕГЕНДА!

Ю. ЯНОВСКИЙ

Он умрала. Предсмертно отчаяние охватило его сердце. Он был еще совсем молод и не знал, как умирать. Но что это была именно смерть, он ощутил сразу и глубоко. Он погнал в полной темноте, вознесенной войско под небо и пронизанной холодным туманом. Он стоял, опершись на винтовку, ноги его упирались все глубже и глубже, восточный ветер гнал воду тинного моря прямо на него.

Стелели туманы, прожекторы на расклевывали туман, вспыхивало и задымлялось «ура» его товарищей! Они атаковали берег, перелили море, они бились за Литовский полуостров упорно, стиснув зубы. Вторые сутки продолжалась бешеный штурм.

Он стоял, жавая руку рукой, и темнота была жестокая, он не кричал и не стодал, он умирал стоя, и он не знал, что так умирают в легендах. Глаза его всматривались в темноту, как в вечность. Надо иметь мужественное сердце, чтобы не заплакать.

И сердце у него было мужественное. Глаза его были сухие, ракетаи вспыхивали перед ним и не могли пробить темноты. «Как хочется увидеть солнце!» — прошептал он, еще сильнее опираясь на винтовку.

Он был совсем молодой боец, и девчата его дергали его пренебрежительно за уши, а вот стоял он и умирал вазрапуду, как настоящий мужчина, как воин революции, умирал под Перекопом, стоя в гнилом море Сиваше.

Пусть создается легенда, пусть возносится песня, он стоит перед нами в темноте и тумане, он умирает за революцию в далеких просторах геогического 1920 года, он не плачет, хотя он еще совсем молод и не знает, как умирать, он стоит, опершись на винтовку, — пусть создается легенда!

И он, единственный из десяти тысяч, был найден через пятнадцать лет. Он лежал в насыщенной солью трясине Сиваша, он не сгнил и не изменился, ширинную рану под сердцем он зажал рукой, и винтовка была в его другой руке, он остался молодым — этот красноармеец далекого и славного 1920 года.

И ревели трубы оркестров, бухали залпы, кохлялись боевые знамена, пробитые пулями, обожженные огнем батальи. Шли за гробом лети и юноши, рабочие и колхозники, красноармейцы и моряки — счастливая и непобедимая страна социализма!

Пусть создается легенда! 1935.

Перевод с украинского П. ЗЕНКЕВИЧА

ПЕРЕПИСКА ПИСАТЕЛЕЙ С ЧИТАТЕЛЯМИ СЕЛЬСКИХ БИБЛИОТЕК

Н. КРУПСКАЯ

Сейчас проходит конкурс на лучшую сельскую библиотеку. Конкурс выдан 15 книг и должен закончиться к 1 января 1936 г. Недавно в библиотечном управлении Наркомпроса состоялся пленум конкурсов. Созданы представители конкурсных комитетов из 25 краев и областей. Они рассказывали о начавшемся движении.

Особенно интересно разрабатывается работа в Кубышевском крае, большой охват в работе Западной области, вплотную выдвинула за работу Калининская область, Крым. Идет работа по плану. Библиотеки ремонтируются, украшаются, пополняются новыми книжками, книги переплетаются, обустраиваются читальни, растет число читателей, читатели чаще посещают библиотеку, принимают участие в наживании ее работ. Чувствуется, что конкурсы пойдут, что выдвигаются, в точку, отвечает на все потребности.

Но хочется, чтобы не только было как можно больше сельских библиотек, чтобы работа их была как можно лучше налажена, чтобы библиотеки на селе возможно лучше обслуживали население; хочется, чтобы сельские библиотеки стали подлинными культурными очагами. Для этого необходимо, чтобы к конкурсной работе привлеклись все культурные силы страны, каждый помогал бы сельской библиотеке по-своему. Не в том только дело, чтобы послать в библиотеку несколько хороших книг или пару рублей, — надо приложить каждому,

каждым путем, чем может он помочь сельской библиотеке. Важна инициатива. Необходимо, чтобы такую инициативу проявляли наши писатели.

Надо, чтобы писатели завели переписку с читателями сельских библиотек. Такая переписка будет будить мысль читателей, воспитывать в них серьезное отношение к книге, научит лучше оценивать книги. Да и самому писателю такая переписка сможет много дать, если он серьезно отнесется к этому делу. Пусть он свяжется с какой-нибудь хорошей библиотекой и напишет читателям письмо, в котором объяснит, почему эта библиотека проста, почему не о пользе чтения художественной литературы или о пользе библиотек, о том, что для него лично интересно, о своих любимых книжках, о том, как он написал свое первое произведение, о чем ему хочется написать, спросит их, о чем бы они, читатели сельской библиотеки, хотели бы прочитать и т. д. и т. п.

Самое главное — чтобы шаблона не было, чтобы просто было написано, чтобы почувствовали читатели, что о них всерьез говорят, как о товарищах. Надо, чтобы письмо было зачитано вслух на собрании читателей, чтобы оно вызвало, вынуждало желание ответить. Может быть, не сразу станут отвечать, потом кто-нибудь один ответит, потом коллектив станут отвечать. Может получиться живая, реальная связь между писателем и читателями.

У нас стали практиковаться беседы писателей с читателями библиотек. Но, во-первых, в этом деле участвуют очень немногие писатели; во-вторых, это часто не столько беседа, сколько «выступление», рассказ писателя о своих произведениях. Полезнее устраивать беседы на литературные темы с участием писателей. Надо, чтобы на страницах «Литературной газеты» писатели, рассказавшие о беседе, в библиотках, рассказали о том, как, по их мнению, лучше вести такие беседы, рассказали, что эти беседы дают им самим. Хорошо, чтобы кто может «селил» в какую-нибудь сельскую библиотеку. Но надо начать завести и переписку. Это и проше в некоторых отношениях, и может придать общению писателя с читателями более углубленный, более систематический характер.

Сознательность колхозников, колхозниц выросла за последние годы чрезвычайно. Конечно, село на село не похоже, но думать, что сельские библиотеки будут организовываться кружками переписки с писателями. Важно только сразу же выявлять переписку в определенное русло, чтобы она была конкретна, проста. Тут многое зависит от умения автора просто, образно, конкретно говорить с читателями. Важно только избежать шаблона, официальнойности.

Хорошее могло бы дело выйти, и читатели сельской библиотеки, да и самим писателям могло бы оно много дать.

ПОЭТЫ И КРИТИКИ

О ЧЕМ ГОВОРИТ НА ПЛЕНУМЕ.—ПАСТЕРНАК И МАЯКОВСКИЙ.—УРОЖАЙНЫЙ ГОД СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ.—НЕУВАЖЕНИЕ К КРИТИКЕ.—ДОМ НА МОХОВОЙ.—ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФИКЦИИ.—ЧТО ЖЕ ТАКОЕ НАРОДНОСТЬ.—ПЕРЕСТАНЬТЕ НА ВРЕМЯ БЫТЬ ПОЭТОМ.—ИЗУЧАЙТЕ ВСЕ ФРОНТ ИСКУССТВ.—НЕТ ВЛАСТИТЕЛЯ ДУМ.

Н. Плиско

И. Уткин

Товарищи, мы решили назвать это совещание поэтов и критиков, чтобы обсудить некоторые вопросы, волнующие наших поэтов. Предстоит поэтический пленум. Нужно побеседовать о проблемах, которые мы так будем обсуждать. Цель этого совещания — дать так сказать толчок к размышлению и спорам.

На первом сессии писателей вопросы специфики поэзии не могли найти полного разрешения.

Некоторые существенные разногласия нам встретились на сессии (выступления группы поэтов против ряда положений в Бухарина) проложили путь к появлению на предстоящем пленуме правления ССП прежде всего следует обсудить ряд специфических вопросов советской поэзии. Мы часто слышим утверждения что за последние 3-4 года советская поэзия сделала мало что советская поэзия неправильно ориентирована и т. п. Смысл этих заявлений таков: не подлинно поэтически произведений. Такого рода утверждения не могут претендовать на объективное действительное положение вещей. Но каждый поэт и критик чувствует что с поэзией не все благополучно.

На этом же пленуме поэзия оцелять будет, да, ответ на пленуме. Эти вопросы нужно обсудить на страницах нашей газеты.

В советской поэзии до самого последнего времени разрешалась главным образом проблема отношения интеллигенции к революции. Сейчас крупнейшие поэты нашей страны отряхивают пыль с поэзии переживания миллионов строителей со-

циализма, раскрыть поэтически масштабные образы эпохи. Этот вопрос в новых образах и создается, видимо, трудности дальнейшего развития поэзии. Но разрешать вопросы связанные с сегодняшним днем поэзии, в плане сравнения с положением в прозе нельзя. Если говорить об отставании поэзии, то мы должны говорить, главным образом и прежде всего, об известном тематическом отставании поэзии, она не отражает ее в полной мере тех изменений в сознании, в поисках строителя социалистического общества. Эти процессы могут, сузив, а наша поэзия иногда сужается, объединяет ярую крайность процессов действительности, сходит к полярности.

Советская поэзия вышла далеко за пределы Союза ССР. Она влияет на всю мировую революционную поэзию. Вопросы эстетики в советской поэзии нельзя ставить вне развития советского искусства в целом.

Выводы, основанные на изучении широчайшего материала смежных областей искусства, помогут поднять особенности эстетики советской поэзии. Тов. Сельвинский в одной из своих статей говорил, что советская поэзия, да и вообще поэзия, не может быть реалистической. Это неправильная точка зрения, по поля зрения здесь есть. Эта истина в том, что реальная поэзия невозможна в реальном в прозе. Характер социалистического реализма в поэзии и следует обсудить.

Вопрос о жанрах в поэзии — чрезвычайно важности вопрос. Беспорочно, у нас есть сейчас драматическая поэзия, сильна лирическая струя, у

нас есть советский эпос, мы имеем советскую п-ну. Критика может многое узнать, присматриваясь к расцвету или застыванию отдельных жанров поэзии. К предстоящему пленуму вопрос жанров в советской поэзии должен быть разработан усилиями наших поэтов и критиков.

Необходимо обсудить вопрос о массовости и народности советской поэзии. На прошлом пленуме, да и на сессии — еще, этот вопрос поднимался. Нужно обсудить его во всем объеме.

Взаимопроникновение национальных литератур принимают все более и более реальная форма. Переводится огромное количество стихов, но в этой области не все благополучно. Нашим поэтам необходимо ознакомиться, в насколько можно полнее, с поэзией братских республик. Для нас, критиков, это знакомство совершенно необходимо, если мы хотим говорить о советской литературе, о литературе многоязычной и многоликой.

За последние годы появилось много интереснейших поэтических произведений, не нашедших достойной оценки критики. Вряд ли стоит перечислять имена этих поэтов — они всем хорошо известны. Нужно обратить внимание критики на положительную работу русских поэтов в области переводов поэтов братских республик. Творчество молодых поэтов заслуживает самого пристального внимания критики: здесь наряду с отрывками явлениями можно было бы указать на целый ряд вредных тенденций.

К обсуждению этих вопросов, волнующих поэтов, я и приступаю.

Дружеский шарж А. Каневского. Александр Сурков.

Д. Мирский

Здесь говорили, что поэты пишут мало и плохо. Это неверно. Затвердела сорока Якова: поэзия отстает, поэзия отстает... В прошлом году было довольно тяжелое положение с поэзией. Намечалось очень неправильное, во всех отношениях вредное направление (я имею в виду все то, что концентрировалось вокруг имени Павла Васильева). Сейчас это направление, мне кажется, нежизненно, но наблюдается другое, правда, менее вредное явление: огромное количество стихов, которые пишутся, очень плохо. Но это не страшно: так всегда было поэзии в каждый данный момент создавал очень небольшие кадры, активы в 10-20 человек. Только они и представляют интерес.

Вообще астаховский год в поэзии должен быть оценен как урожайный. Несомненно происходит какие-то сдвиги в том смысле, что поэты больше становятся сами собой, больше прислушиваются к себе, начинают идти своим путем. Кирсанов, например, который до недавнего времени был главным аполонитом поэзии «на заказ», пошел в другую сторону, написал «Золотую рыбку». Эта вещь написана «от себя». Это симптоматичная вещь, независимо от оценки. Симпатичная вещь, в этом отношении последние вещи Лужковского.

Когда было обсуждение моей статьи, на всех участвовавших очень тяжело воспринималась проза «молодые поэты». Их было человек 20 — довольно активных и очень плохих блестящих молодых поэтов.

Сельвинский. Это — будущее прозаики.

Уткин. Может быть, и критики.

Мирский. Бывает, что это будущее поэты (Смех).

Прежде чем говорить об отставании поэзии, надо осознаться от гипноза всех этих подражателей, эпигон и молодых чиновников от поэзии. Может быть, их почему-нибудь и нужно печатать, но они даже не составляют фона нашей поэзии. Они даже не проблема.

Но кроме этой безликой толпы есть настоящие, полиязычная молодая поэзия, и рады ее растут сейчас очень быстро.

Но молодки, еще не получившие общего признания поэтов и особенно отмену Влад. Державина, написанного в этом году замечательную вещь «Арктическую поэму» (еще не выпущенную), затем Вадима Стрельченко, Панченко и Семьянина. В последних двух номерах «Молодой гвардии» (№ 8 и 9) выпущены предисловия двух последних. Их имя Семьянина появляется, кажется, впервые, но в его стихотворении «Негр» видно уже вполне зрелый мастер. Я считаю нужным особенно подчеркнуть эти два номера «Молодой гвардии» в связи с этим большим и ценную работу, которую ведет Владимир Лужковский по отбору, редактированию и выплатам молодых поэтов.

Говорить об общих чертах намечающегося нового движения в советской поэзии еще трудно. Семьянина очень мало похож на Стрельченко, но кажется общее всем — это глубоко органическое чувство родины, как основная лирическая тема и в то же время гораздо более ясное понимание того, в чем заключается специфика поэзии и чем она отличается от рифмованных супражений на тему.

Большее понимание того, что такое поэзия и как к ней подходить, несомненно, замечается у критиков. Они начинают понимать, что нельзя подходить к поэзии с явными, выработанными на одной беллетристике. Это очень верно отметил Е. Мухоматов в своей недавней статье «Поэзия и проза».

Советским новаторством будет такое новаторство, которое будет нести в себе не только признаки формального нововведения, но и признаки нового по существу, что отличает советскую поэзию от поэзии буржуазной и дает возможность судить о ней не как об отвлеченном поэтическом удаче, а как о литературном движении.

Разве не является характерным то, что мы еще до сих пор не только не определяем признаков советской поэзии, но даже еще недостаточно разобрались в той терминологии, которой так часто пользуются в литературной полемике. Например, когда т. Сельвинский писал, что поэты «серебристая поэзия», он, мне кажется, имел в виду обычную тенденцию реализма переходить в натурализм.

Такие тенденции уже история литературы вообще, и у нас их легко наблюдать в особенности. Только у нас это часто называется «правильностью», «жизненностью», а на самом деле это поэзия, которая не может быть и «жизненностью». Но много ли из поэтов достаточно ясно себе представляют разницу между реальной и натуралистичной? И если ли поэзия является в этом вопросе у нашей поэтической критики?

Да откуда ей быть? Такие вопросы могут встать и решаться только тогда, когда есть творческая среда, есть принципиальная полемика. А ведь чаще решения такого радикального вопроса, определяющего творческое направление поэта, диктуются поэту немилостию. Но мы не только не умеем разбираться в литературных терминах, но мы еще обладаем каким-то особым искусством так их заштамповывать, что даже самый последний читатель не может не согласиться с их произволом. На примере вопроса о народности как отвлеченных признаках советской поэзии возник у меня и был поставлен мною в связи с моей работой над

вопросом и молодых чиновников от поэзии. Может быть, их почему-нибудь и нужно печатать, но они даже не составляют фона нашей поэзии. Они даже не проблема.

Но кроме этой безликой толпы есть настоящие, полиязычная молодая поэзия, и рады ее растут сейчас очень быстро.

Но молодки, еще не получившие общего признания поэтов и особенно отмену Влад. Державина, написанного в этом году замечательную вещь «Арктическую поэму» (еще не выпущенную), затем Вадима Стрельченко, Панченко и Семьянина. В последних двух номерах «Молодой гвардии» (№ 8 и 9) выпущены предисловия двух последних. Их имя Семьянина появляется, кажется, впервые, но в его стихотворении «Негр» видно уже вполне зрелый мастер. Я считаю нужным особенно подчеркнуть эти два номера «Молодой гвардии» в связи с этим большим и ценную работу, которую ведет Владимир Лужковский по отбору, редактированию и выплатам молодых поэтов.

Говорить об общих чертах намечающегося нового движения в советской поэзии еще трудно. Семьянина очень мало похож на Стрельченко, но кажется общее всем — это глубоко органическое чувство родины, как основная лирическая тема и в то же время гораздо более ясное понимание того, в чем заключается специфика поэзии и чем она отличается от рифмованных супражений на тему.

Большее понимание того, что такое поэзия и как к ней подходить, несомненно, замечается у критиков. Они начинают понимать, что нельзя подходить к поэзии с явными, выработанными на одной беллетристике. Это очень верно отметил Е. Мухоматов в своей недавней статье «Поэзия и проза».

Советским новаторством будет такое новаторство, которое будет нести в себе не только признаки формального нововведения, но и признаки нового по существу, что отличает советскую поэзию от поэзии буржуазной и дает возможность судить о ней не как об отвлеченном поэтическом удаче, а как о литературном движении.

Разве не является характерным то, что мы еще до сих пор не только не определяем признаков советской поэзии, но даже еще недостаточно разобрались в той терминологии, которой так часто пользуются в литературной полемике. Например, когда т. Сельвинский писал, что поэты «серебристая поэзия», он, мне кажется, имел в виду обычную тенденцию реализма переходить в натурализм.

Такие тенденции уже история литературы вообще, и у нас их легко наблюдать в особенности. Только у нас это часто называется «правильностью», «жизненностью», а на самом деле это поэзия, которая не может быть и «жизненностью». Но много ли из поэтов достаточно ясно себе представляют разницу между реальной и натуралистичной? И если ли поэзия является в этом вопросе у нашей поэтической критики?

Да откуда ей быть? Такие вопросы могут встать и решаться только тогда, когда есть творческая среда, есть принципиальная полемика. А ведь чаще решения такого радикального вопроса, определяющего творческое направление поэта, диктуются поэту немилостию. Но мы не только не умеем разбираться в литературных терминах, но мы еще обладаем каким-то особым искусством так их заштамповывать, что даже самый последний читатель не может не согласиться с их произволом. На примере вопроса о народности как отвлеченных признаках советской поэзии возник у меня и был поставлен мною в связи с моей работой над

А. Сурков

Предстоящий пленум правления Союза — событие в жизни советской поэзии неурядице. Впервые ее вопросы стоят головным в повестке дня. Пленум может стать исторической вехой на пути нашего движения вперед. Предпосылкой для этого много. За последние годы в поэзии накопился богатый материал, оживляющий творческие способности в систематизации. Разобраться в материале — понять главные, ведущие тенденции развития поэзии в связи с историческими особенностями времени, выходящее ее к жизни, найти в поэзии черты преемственности и черты разности в отношении к предшественникам — такова первая задача.

Разрешая ее мы пойдем в первую очередь к выяснению степени нарастающих новых стилистических качеств, степени приближения различных поэтических направлений к отдельным взятым поэтам к овладению методом социалистического реализма. Живой опыт советской поэзии — великий ее богатство — поможет нам перейти от субъективного суждения понятия «социалистический реализм» к конкретному творческому выражению проблем стиля и метода. Сама собой разберется в суждениях по этим вопросам в поле нашего зрения должен войти весь опыт, накопленный поэзией народов Советского Союза, а не только опыт русской советской поэзии, как это было раньше. Такая постановка вопроса позволит понять целое поэзии Советского Союза во всей сложности взаимодействия и взаимовлияния отдельных направлений по идейной направленности, но различия по языковому и культурным особенностям, братских отрядов советской поэзии. Трудности,

возникающие от такого подхода к решению задачи, велики, но мне думается, что наша литературная общественность их преодолеет. Выработав критериев оценки явлений советской поэзии — вот одна из главных и неотложных задач, которую придется, хотя бы в амальге, хотя бы временно разрешить пленуму. Разрешая на пленуме злободневные, жгущие вопросы поэтического суждения, мы не можем не углубиться в область формирования новой социалистической эстетики. Ведь каждый поэт на себе испытал всю тяжесть вдумчивого, диалектического подхода критики к оценке произведений поэзии.

Испытание материала поэзии содержанием эпохи позволяет отличить подлинное новаторство от стилизованного жонглирования, мастерство — от виртуозности, чистый металл поэзии — от сплава верификации. На этом же не должно останавливаться, что не всегда и вечно так обстояло дело и в прошлом. Только объективно обстоят советской действительности, что иногда оно не больше, как внешне новая разновидность старого качества дореволюционной поэзии.

Вот, по-моему, главные содержания предстоящего на пленуме разговора. Весь ход развития событий толкает нас именно к такой постановке вопроса. Мы слишком долго слушали акафисты в акафистах, слишком долго присутствовали на докладных планах с быстрыми маршами имен и названий, чтобы раз и навсегда отказаться от столь легкого и беспомощного заплыва. Понятно, что опасность заупреждения искусством подготавливает нас кругом. Но если мы сделаем

попытку впервые подняться до действительности исторического опыта советской поэзии к эстетико-теоретическим обобщениям, то опасности эти устроятся сами собой.

Необходимо широкой постановкой вопросов поэзии заставить нас не ограничиваться обсуждением только тех явлений, которые имели место последние годы. Надо сделать выкладки и в прошлое. Но материал прошлого года должен быть главенствующим. Ведь нам придется не только заниматься высокими категориями эстетики, но и распознавание и выражение творческих тенденций сегодняшнего дня. Мы обязаны будем провести оную ступень сегодняшней советской поэзии с сегодняшней действительностью, с сегодняшней социализмом, с художественными запросами людей, ее представляющих. На этой ступени только и можно выносить, отстает или не отстает поэзия от жизни, а если отстает (это, по-моему, несомненно), то каковы размеры этого отставания, каковы причины и где лежит кратчайший путь для покрытия расстояния, отделяющего сущее от должного. Тут мы, отнюдь не приближаясь, отнюдь не впадая в отупелое отрицание являющихся и бесспорных достижений, должны будем проявить максимальную хозяйскую трезвость оценок и обнаружить живую способность самокритики.

Успех пленума во многом будет зависеть от подготовительной работы. Справимся ли мы с этой работой? По-моему, справимся. Мы так стесняемся по отношению творческого замысла, что едва ли будем пытаться в недоумении, если найдется логичные, их надо будет подтолкнуть.

было очаровательным, непосредственным, трогательным, самым малым, грубым, фальшивым. «Был Брызгалов» — хотя он может еще «быть», и зазвучать и опять зазвучать потерянный им «сенок» («владыка дум»). Пожалуй ему этого. Я назвал здесь только несколько имен, каждый из вас может назвать еще и еще. Я не делаю обобщений, не говорю о тех писателях, которые каждый раз оказывались на высоте своей задачи и давали стране прекрасные произведения, и о тех, которые на каждом повороте умели «сдержаться» и не выдать из себя «железяки». Речь идет о тех художниках, которые пришли к вышнему этапу социализма со своей образной системой, своим художественным мышлением и хотят войти в этот новый этап и занять там достойное положение. О них надо подумать,

на прозу заметить, я не упоминаю новых имен, например, имени Сергея Алексеевича Гусева. Я говорю о старых сапфирных именах нашей литературы. В связи с этим хотел бы обратить ваше внимание на такой в высокой степени симптоматичный случай. Я говорю о двух писателях: об Эренбурге и Безмяенином. Было время, когда Эренбург называли буржуазным писателем, а кое-кто даже несоветским писателем. Казалось, что «Жанна Ней», властвовавшая над думами преимущественно советских машинисток, это последнее слово Эренбурга. Но вот писатель, который большую часть этих лет жил за границей, настолько чувствовал свою оторванность, что проникнул в ней, так серьезно и ответственно сумел прислушиваться к сегодняшнему дню, что роман его «День второй» попал в центр внимания переводового читателя. Эренбург стал очень популярным среди широких масс нашей молодежи, той самой молодежи, профессиональным «властителем дум» которой считался всегда Безмяенинский.

В те времена, когда Эренбург выступал с «Жанной Ней», «Комсомолец» Безмяенинского читался, декларировалась, пелась, им Безмяенинский произносились как самым комсомольцем. Он был действительно «властителем дум», комсомола. Прошли годы. Эренбург, так сказать, из последних букв алфавита переключился в первые, а Безмяенинский... Я не хочу сказать, что он переместился к концу нет, но все таки это уже далеко не первая буква, и не вторая... Ночь начинала полителем написана в той же интонации, что и «Комсомолец», как будто ничего не изменилось. Но, прости за сравнение, когда молодая девушка, став арской матроной, имитирует свои денчики повалки, это, знаете, грустно. Мужичина не может сделать снова ребенком, не становится смешным». То, что когда-

НЕТ ВЛАСТИТЕЛЯ ДУМ

Ю. Юзовский

Когда я бросил здесь реплику, что дела в поэзии далеко не блестящи, мне почти хором ответили: а в драматургии? В драматургии лучше? Что же вы молчите? Я не молчу, я могу сказать, что и в драматургии дела неважны. Но оттого, что я это скажу, разве дела в поэзии станут лучше? Смешное самоутверждение. Прозаик утешается тем, что от него отстает поэт, поэт, что драматург, драматург, что живописец, а больше всех хвалится, конечно киношник — ведь от него отстает все. Нехватают мужества, не хватает на соседа опростить, почему я в мод чистоте мало удовлетворен моей работой? И за себя опростить, и за соседа. Вот это важно, а не арифметические расчеты, кто на сколько метров друг от друга отстает.

Существует такая стиль оценки: «так-то» написал хорошее стихотворение, «а знаете, неплохая пьеса», «довольно сносная картина». И художник считает, что задача его — написать хорошие стихотворения, или неплохую пьесу или удовлетворительно сыграть роль он считает что его задача «обсуждать широкие массы», «удовлетворять культурные запросы читателей», «поднимать эстетические вкусы». Что ж, читатель читает, смотрит, слушает, удовлетворяет свои культурные потребности «развивает свой вкус!» Но это ему мало, бесконечно мало. Он считает о другом. Он хочет поэта — «властителя дум». И актера — «властителя дум». И драматурга — «властителя дум». Но просто талантливый, или даже очень талантливый писатель или артиста, который выполняет свою писательскую и актерскую функцию. Не служба с десяти до четырех на «фронте поэзии».

Были такие «властители дум», как Лермонтов или Некрасов, Мотзалов или Комиссаржевская. Здесь я не говорю о бывших талантах, как Лермонтов или Мотзалов — я предлагаю себе что сейчас у нас есть поэты не менее талантливые, чем Некрасов или Комиссаржевская. Речь идет о том, что они умели наиболее волнующие и непосредственно выражать думы чаша или их поколения, их времени. Можно ли сказать, что у нас на нынешнем этапе поэзии, где функцию пишут столько поэтов, есть этот «властитель» так же, как в драматургии? Нельзя сказать. Быть может, есть «кандидаты» в «властители», но такого, книжку которого я бы искал не потому, что он хорошо пишет, талантливо пишет, а потому, что я не могу жить без него. Такого нет у нас, я могу жить без него.

Нельзя поэтому так категорически утверждать, что все дело в том, чтоб «поднимать качество». Когда у нас поэт или актер говорит «мастер», то разумеет технику, технику свою квалификацию, но дело это слово перекочевало из технической области. До революции никто не говорил о поэме или пьесе «вещь», никогда не говорили «стихи хороши сделаны». Это все очень хорошие термины, но разве все дело в том, чтобы стих был хорошо сделан?

Возьмите таких трех поэтов, как Пастернак, Сельвинский и Светлов. Это беспорядочные мастера. Какое богатство ассоциаций выражает стих первого, какие звуки и мелодии улет извещают из языка второй, какие поразительно простые и точные слова у третьего находят трюны. Мастер! Им даже нельзя советовать: шаг влево шаг вправо — они обавляются мастигонами, но они, так сказать, продолжают жить по инерции и писать по инерции. Их творческая жизнь закончилась. Сейчас они, менее мужественные, продолжают делать вид, что ничего не изменилось, они считают себя близкими полному благополучию, они боится смотреть правде в глаза. Другое, более мужественные, пытаются походить к себе решительно, переосмысливать себя...

Когда-то они в известном смысле были «властителями дум», они представляли известную прослойку, они выражали какую-то весьма существенную сторону определенного времени. Но то время ушло, один исторический этап сменился другим, наступили новые времена, а они продолжают быть старые песни, и песни значительно менее благозвучные, поэт, что время их миновало. На

ша революция аннала много этапов: военной коммунизма, но, период реконструкции, первая пятилетка. История шла быстрым темпом. Каждый шаг — это, можно сказать, целая эпоха; но прежним временам такой этап действительно эпоха, это лет двадцать, тридцать — это вся человеческая жизнь, творческая, зрелая жизнь. Сейчас это пять лет. Человек остается полный сил и таланта, во время уже другое, и это другое время важно понять, почувствовать всей глубиной души и максимально выразить, остаться на новом этапе таким же властителем дум и знать и вести дальше и выше. Но если не хватает энергии, если остается на прежней ступени и влачат жалкое существование, другие смело борются с трудностями, третьи не хотят жить только прошлым, но и чувствуют, что выразить этот новый этап с такой силой и блеском, как прежний, они не смогут. Быть может, в этом и состояла трагедия Маяковского.

Вот здесь сидят поэты. Пусть они не обижаться, надо им сказать правду. Вот Уткин. Я могу сказать о нем только так «был Уткин». Могу ли я сказать «будет Уткин». Я не решаюсь этого сказать, боюсь это сказать. Когда-то он, как говорится, шумел, он затронул какую-то очень звучную струну, но продолжал перебирать дальше все ту же струну, не замечая, что люди прислушиваются к другим звукам, жаждут этих других звуков. Я читал его стихи в последнем номере «Красной нови». Я читал их с какой-то злостью. Мне было обидно и досадно на самого себя, который когда-то аплодировал «Рыжему Мотелю». Похожие стихи. Похожие по-особенному. Это как бы воспоминание о самом себе. Какую-то имитацию самого себя, Иосифа Уткина каким он был когда-то, как и знать, что читатель вспомнит сам себя, вернется на покинутую ступень и будет аплодировать с прежней горячностью. Не делает этого читатель, не сможет сделать этого читатель. Я о нем тоже должен сказать «был Сельвинский». Но я верю, что он «будет», беспорочно будет. У этого человека масса здоровья, творческой потенции, тревоги и жажды жизни. Я не могу согласиться с теми критиками, которые утверждают, что «Умка — большой мелкий» лучшее произведение Сельвинского. Неоживетная и нечет-

ная манера считать последнее произведение писателя всегда самым лучшим. Но все же какое это движение вперед, скажем об «Актрисе» Сельвинский. Сельвинский пришел на «Электроволна», решил, что так разрешается все его противоречия. Однако «Электроволновая гавань» далеко не является украшением его таланта. Он нашел своего Кавалеридзе за тысячи километров от «Электроволны», в Арктике. Но, конечно, без «Электроволны» он не нашел бы своего героя. Но Кавалеридзе это только так сказать, приемыш, ощущение вылитую тему — это еще не тот герой, о котором каждый зритель воскликнул бы «хочу быть, как Кавалеридзе».

Прошу заметить, я не упоминаю новых имен, например, имени Сергея Алексеевича Гусева. Я говорю о старых сапфирных именах нашей литературы. В связи с этим хотел бы обратить ваше внимание на такой в высокой степени симптоматичный случай. Я говорю о двух писателях: об Эренбурге и Безмяенином. Было время, когда Эренбург называли буржуазным писателем, а кое-кто даже несоветским писателем. Казалось, что «Жанна Ней», властвовавшая над думами преимущественно советских машинисток, это последнее слово Эренбурга. Но вот писатель, который большую часть этих лет жил за границей, настолько чувствовал свою оторванность, что проникнул в ней, так серьезно и ответственно сумел прислушиваться к сегодняшнему дню, что роман его «День второй» попал в центр внимания переводового читателя. Эренбург стал очень популярным среди широких масс нашей молодежи, той самой молодежи, профессиональным «властителем дум» которой считался всегда Безмяенинский.

В те времена, когда Эренбург выступал с «Жанной Ней», «Комсомолец» Безмяенинского читался, декларировалась, пелась, им Безмяенинский произносились как самым комсомольцем. Он был действительно «властителем дум», комсомола. Прошли годы. Эренбург, так сказать, из последних букв алфавита переключился в первые, а Безмяенинский... Я не хочу сказать, что он переместился к концу нет, но все таки это уже далеко не первая буква, и не вторая... Ночь начинала полителем написана в той же интонации, что и «Комсомолец», как будто ничего не изменилось. Но, прости за сравнение, когда молодая девушка, став арской матроной, имитирует свои денчики повалки, это, знаете, грустно. Мужичина не может сделать снова ребенком, не становится смешным». То, что когда-

было очаровательным, непосредственным, трогательным, самым малым, грубым, фальшивым. «Был Брызгалов» — хотя он может еще «быть», и зазвучать и опять зазвучать потерянный им «сенок» («владыка дум»). Пожалуй ему этого. Я назвал здесь только несколько имен, каждый из вас может назвать еще и еще. Я не делаю обобщений, не говорю о тех писателях, которые каждый раз оказывались на высоте своей задачи и давали стране прекрасные произведения, и о тех, которые на каждом повороте умели «сдержаться» и не выдать из себя «железяки». Речь идет о тех художниках, которые пришли к вышнему этапу социализма со своей образной системой, своим художественным мышлением и хотят войти в этот новый этап и занять там достойное положение. О них надо подумать,

на прозу заметить, я не упоминаю новых имен, например, имени Сергея Алексеевича Гусева. Я говорю о старых сапфирных именах нашей литературы. В связи с этим хотел бы обратить ваше внимание на такой в высокой степени симптоматичный случай. Я говорю о двух писателях: об Эренбурге и Безмяенином. Было время, когда Эренбург называли буржуазным писателем, а кое-кто даже несоветским писателем. Казалось, что «Жанна Ней», властвовавшая над думами преимущественно советских машинисток, это последнее слово Эренбурга. Но вот писатель, который большую часть этих лет жил за границей, настолько чувствовал свою оторванность, что проникнул в ней, так серьезно и ответственно сумел прислушиваться к сегодняшнему дню, что роман его «День второй» попал в центр внимания переводового читателя. Эренбург стал очень популярным среди широких масс нашей молодежи, той самой молодежи, профессиональным «властителем дум» которой считался всегда Безмяенинский.

В те времена, когда Эренбург выступал с «Жанной Ней», «Комсомолец» Безмяенинского читался, декларировалась, пелась, им Безмяенинский произносились как самым комсомольцем. Он был действительно «властителем дум», комсомола. Прошли годы. Эренбург, так сказать, из последних букв алфавита переключился в первые, а Безмяенинский... Я не хочу сказать, что он переместился к концу нет, но все таки это уже далеко не первая буква, и не вторая... Ночь начинала полителем написана в той же интонации, что и «Комсомолец», как будто ничего не изменилось. Но, прости за сравнение, когда молодая девушка, став арской матроной, имитирует свои денчики повалки, это, знаете, грустно. Мужичина не может сделать снова ребенком, не становится смешным». То, что когда-

Дружеский шарж А. Каневского, Ю. Юзовский.

ПОЭТЫ И КРИТИКИ

А. Лейтес

— Не обслуживать отдельных поэтов, а служить делу советской литературы, делаям для литературных критиков эту принципиальную задачу: формула должна учесть как поэта, формула должна быть строго производственной.

Тут Иосиф Уткин проинформировал. Он говорил о привычке критиков оперировать готовыми формулами. Почти все критики в один голос пишут: у Голдого перелом. Против факта не поперны. Нельзя не констатировать того, что есть на самом деле. В творческом развитии Голдого на известном этапе начался очень интересный перелом. Но о самом любопытном критики не говорят: о стилистических тенденциях этого перелома. Мне, например, нравится последнее стихотворение Голдого «Наш коммунизм (Шульба)». В нем есть истинные формальные приемы. Я вспоминаю, как Голдого, преодолевая штампы, создал лирические портреты в «Суде Горбачева» и «Верке Волной». Критики Голдого этого мне не показывают. Штампованными фразами они поощряют поэта, все более и более преодолеваящего лирические штампы.

Нужно уметь ухватываться за удачные поэты. Основной принцип социалистического общества — равняться по передовикам. Нам нужно равняться по нашим передовым литературным достижениям, уметь анализировать художественные удачные и делать на основе этого анализа выводы и прогнозы. Мы этого не умеем.

Если критик начинает хвалить поэта, то делает это достаточно бездарно и невольно тускло, что временами прямо тошно становится. Иной честный поэт готов вымолиться: избавь нас, аллах, от этих похвал. Вот, к примеру, Илья Сельвинский. Он как будто обычно очень чувствителен к резкому слову критика, но он опять же в этом совещании о большой искренности: «Когда незаслуженно хвалят, некорошо. Получается ощущение, будто небо обложено бараньим салом».

Нет, если уж хвалят поэтов (а хвалят есть за что), то надо делать это умело, талантливо. Искусство похвалы — самое трудное искусство. Здесь нельзя ограничиться голословной разницей аттестатов или похвалных листов. Нужно, чтобы та или иная литературная удача стала показателем для других поэтов и писателей, различных ступеней в творческой биографии советского поэта, критик

Сообщение поэтов и критиков в «Литературной газете».

выступает как боевой связист, подталкивающий отстающих. Но можно ли подталкивать отстающих поэта к мощи общих фраз? Нет. Критика должна быть строго производственной.

Тут Иосиф Уткин проинформировал. Он говорил о привычке критиков оперировать готовыми формулами. Почти все критики в один голос пишут: у Голдого перелом. Против факта не поперны. Нельзя не констатировать того, что есть на самом деле. В творческом развитии Голдого на известном этапе начался очень интересный перелом. Но о самом любопытном критики не говорят: о стилистических тенденциях этого перелома. Мне, например, нравится последнее стихотворение Голдого «Наш коммунизм (Шульба)». В нем есть истинные формальные приемы. Я вспоминаю, как Голдого, преодолевая штампы, создал лирические портреты в «Суде Горбачева» и «Верке Волной». Критики Голдого этого мне не показывают. Штампованными фразами они поощряют поэта, все более и более преодолеваящего лирические штампы.

Нужно уметь ухватываться за удачные поэты. Основной принцип социалистического общества — равняться по передовикам. Нам нужно равняться по нашим передовым литературным достижениям, уметь анализировать художественные удачные и делать на основе этого анализа выводы и прогнозы. Мы этого не умеем.

Если критик начинает хвалить поэта, то делает это достаточно бездарно и невольно тускло, что временами прямо тошно становится. Иной честный поэт готов вымолиться: избавь нас, аллах, от этих похвал. Вот, к примеру, Илья Сельвинский. Он как будто обычно очень чувствителен к резкому слову критика, но он опять же в этом совещании о большой искренности: «Когда незаслуженно хвалят, некорошо. Получается ощущение, будто небо обложено бараньим салом».

Нет, если уж хвалят поэтов (а хвалят есть за что), то надо делать это умело, талантливо. Искусство похвалы — самое трудное искусство. Здесь нельзя ограничиться голословной разницей аттестатов или похвалных листов. Нужно, чтобы та или иная литературная удача стала показателем для других поэтов и писателей, различных ступеней в творческой биографии советского поэта, критик

властитель дум. Это совершенно справедливое замечание Ю. Юозовского я всецело поддерживаю. Но для того, чтобы воспитать в советском поэте властителя дум, надо с ним разговаривать гораздо умнее, чем это предельно нам, пишущие рецензии на тот или иной очередной сборник стихов.

Надо двигаться скорее на путях оценки советской поэзии. Читательская статья много критика и сразу видишь, как он отбрасывается по сторонам. То оглянется на читателя, то оглянется на писателя. Вместо ясной критической методологии — сплошная система оценок. Надо не бояться отказываться даже от своих вчерашних вкусовых оценок, если они устарели, если ты вырос из них. Но если меняешь свои оценки, то меняй их так, как это учил Виссарион Белинский: меняй пятячки на рубли, а не наоборот. И если пишешь о поэзии, то пиши так, чтобы поэту захотелось писать новые и лучшие стихи, а читателю захотелось бы их читать и пересчитывать.

Дружеский шарж А. Каневского Д. Мирский.

НА СКЛОНАХ АЛАГЕЗА

«Пастух, гнавший стадо, нес на плече громадного барана, сломавшего и пути ногу».

Пастух устал, покрывшись потом и слезами, вынул ноги. Баран, все время брыкавшийся, вдруг вырвался и упал наземь. Заметив это, Джангирага подскочил к барану, присел к нему и изо всех сил стал стегать его плетью...»

Вплоть до 1925 г. можно было наблюдать также среди курдского кочевья населения. Беки не славятся своими позициями. Пользуясь отдаленностью от центра, некультурностью курдского народа, их кочевым бытом, они не пренебрежали никакими средствами, чтобы сохранить преимущество в продолжении долгих времен. В борьбе с беками было духовно. Оно превалило анафеме великого населения, осмелившегося посягнуть на их «священные права». Во имя бога и со ссылкой на традиции (заветы), граб и убивая, они обильно изменяли всем, что считал расторгнутым «вечный договор», в силу которого кучка озерных людей господствовала над кочевым курдским народом, затерянным на склонах Алагеа.

Только в 1925 г. во всех кочевьях курдов были избраны советы. Понятие этот год должен считаться датой второго рождения курдского трудового народа, и чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть небольшую книжку Араба Шамилова «Курдский пастух», изданную Запсином».

Две повести, помещенные в книге Шамилова, носят автобиографический характер. Это восьмидесятирельсовый роман о жизни трудового народа, которую правдивее было бы назвать принудительной трудовой жизнью. Это впечатление изуроченного не-

посильным трудом мальчишка не оставляет читателя до последних страниц книги, оно является как бы символом угнетения курдского трудящегося населения, последовательно, при паразите и во время дашнакской «независимой» республики.

Прекрасно зная и передавая быт курдов, Араб Шамилов самым ходом повествования умел подчеркнуть моменты классовой борьбы среди курдов, борьбы, которую буржуазные исследователи всегда игнорировали, со ссылкой на наличие «равенства» в курдской кочевой общине — «оба». Между тем в книге Шамилова совершенно очевидно, что ни о каком равенстве в этой общине не могло быть речи. Глава «оба» — «оба баши», почти всегда являясь оппортунистической главой рода и кулаком, злобно эксплуатировал остальных, «равных» в своем несчастии, членов общины.

Раскрытие этих отношений, в значительной степени, посвящена книга Шамилова.

Ранняя биография автора настолько типична, что она переходит в описание жизни курдского великого населения. Приход героя повествования в большинстве случаев, после суровой борьбы за существование дает нам представление об изменениях, происшедших в сознании курда во время и после империалистической войны. Это последняя работа среди курдов и отношение к нему со стороны населения свидетельствуют о частях, которые принесла советская власть угнетенным народам бывшей российской империи.

Перемени в жизни курдского народа, вызванные установление и наведение закрепленные сталинской национальной политикой, могли бы — и должны — составить предмет большого исследования. Национальная политика партии приобщила кур-

ский народ к культуре. Зародилась письменность, издаются книги, и вчерашний пастух — сегодня аспирант Государственной академии материальной культуры Араб Шамилов — рассказывает всеобщему читателю о том, как угнетенный народ освободился от кабалы феодалов и духовенства, как он перешел от кочевой жизни к оседлой, какая борьба предшествовала организации колхозов, как выросла советская Армения курдам новые деревни и т. д.

Безусловно, недостатком книги надо считать недостаточное внимание к особенностям курдской жизни. Их нужно было выписать точнее. Я имею в виду в особенности игры, народные песни и пр., совершенно незнакомые и необычные для русского читателя. Они могли бы составить интереснейшие материалы к некоторым главам книжки. Нужно думать, что при следующем издании автор обратит внимание на это улучшение и покажет без внешнего экзотизма народный характер таких праздников, как весенний праздник «Баро-дан» и осенний «Бэра-бэрдан». Ведь оба праздника носят «производственный» характер и, утрачивая в значительной степени жизненную силу в связи с переломом курдов на оседлую жизнь, эти праздники, прошедшие относительно могут быть переданы автором.

Последняя страница книжки касается таким образом: «Среди курдов уже немало ударников, знатных людей. Все они — колхозники, пастухи; молодежь записалась в комсомол и посещает школу. Многие учатся в рабфаках и техникумах; некоторые обучаются в Ленинградских и московских институтах. На бывших кочевьях закипела новая, социалистическая жизнь». В этих фразах нам слышится новая тема и даже название глав новой книги.

Н. ЧИГОРИН

МЕЧТЫ О «ХАУНЕ»

Когда читаешь эту книгу, написанную простым и ясным, местами очень образным и выразительным языком, начинаешь глубже проникать в сущность испанской революции.

Со страниц книги Ардерюса встают образы испанских крестьян; видишь взорванные глубокими морщинами лица, затанувшую боль и мучу в глазах. Перед читателем — ретроспективный снимок современной Испании, вчера — монархия, сегодня — республика, но, по существу, мало изменившаяся, дореволюционная Испания.

Разве ты не видишь, что и при республике правят те же бары? Все одно. Хоакина — враги белых. — Это слова крестьянина Гаса звучат убедительно.

Замечательна эта сцена в давящей, как и множество других сцен в книге. Некоторые из них нельзя читать без содрогания (крестьянин, усталый своих детей из дому, чтобы не слышать, как они просят хлеба; Блас, пожирющий выжугот из овечьей туши сердце; смерть жены Ромуальдо и др.).

Ардерюс. Крестьяне. Гослитиздат. Ленинград, 1935 г.

Давидович ожив в книге превращается в оживший вымышленный республиканской Испании, в которой не хуже, чем в королевской, безжалостно выдвигают из народа все соки. И то, что фискальный чиновник Фальфана — одна из колоритнейших фигур в произведении — вместе с королевской кокариной носит республиканскую шапку, ничего не меняет. В образе Фальфана — синтез двух разных по форме, но единых по существу систем. Республиканская шапка фискала Фальфана так же мало меняет его облик, как «революционный» республиканский кабачник Луисом — наука в кобе, из трех мужчин дельца одной оловянной.

Крестьянская масса и отдельные ее представители, вырастающие в революционных вожаков (Куривой Влас и др.), показаны ярко, возмущают. Она дана Ардерюсом со всей былой и национальной спецификой. То же чувство нива — чувство миллионов угнетенных крестьян во всех буржуазно-помещичьих странах, но в еще-таки испанская крестьянская масса, испанская деревня.

Местами автор излишне комментирует события и настроения, которые и без того отчетливо выступают в

книге. Много рассуждений, иногда ненужных. Имеются и повторения, длинноты.

Схематичнее, беднее крестьян показаны рабочие, появляющиеся в конце книги. Это — агитаторы. Они часто револютеруют, а конец в произведении — сцена прихода возмущенных непосильными поборами крестьян в город — соккомака, бедная и охматанная.

Удивляет отсутствие в книге образа того, кто должен был занять в ней подпольное место, образ поэта, сила которого так велика в Испании, особенно в испанской деревне. Не случайно ведь так часто выжугот там монастыри. Священник должен был бы стоять рядом с фискалом Фальфана, с кабачницей Луисой, с Альфонсо.

Советский читатель узнает из книги, как живут миллионы крестьян в зарубежных странах, для которых СССР — Хауна, сказочная страна. В книге Ардерюса хорошо показано, как испанские помещики и их прислужники всеми средствами стараются скрыть от крестьян правду о Хауне.

Е. ПОЛОНСКИЙ

ЖУРНАЛЫ

„ОКТЯБРЬ“ № 9

О двух больших вехах в художественном опыте журнала — о романе А. Чапгина «Гуагуагуа» и о новом романе Шухова «Родина» мы скажем в следующем раз. Оба эти романа начались в 8-й книжке и в 10-й обещано их окончание.

В 9-й книжке «Октябрь» значительное место уделено очеркам. Отдел очерков открывается «Штурмом Эльбруса» Зинаиды Рихтер. Это рассказ корреспондент, участника второй альпинистской экспедиции РККА в восхождение на Эльбрус. Рассказ обстоятельный, подробный (по размерам это чуть ли не целая книга), с цифрами и справками, с описаниями частного делового, и вместе с тем раскрывает остроту, увлекательность «Штурма Эльбруса» привлекательна к тому типу очерков, которым наши литературно-художественные журналы по большей части — и в ущерб делу — пренебрегают. Считается, что это очерк газетный, очерк-корреспондентский, журналы же ищут «художественных» очерков. Но по линии художественный очерк — это жанр редкий и трудный и мастером такого очерка у нас мало, и в журналах и в газетах у нас часто можно встретить искусственно беллетризованный, «красочными» пейзажами, с безвкусицей образностью в описаниях, с фальшивыми, полтавскими диалогами, очерк, в них случаях называемый рассказом. Линейный очерк — это не было художественное искусство, но и очерк, выходящий из писателя, в обличье которых вынашивается характер творческих, движимых идеями рабочего класса, сочувствием всему трудящемуся народу.

Настоящие ценности искусства и раньше создавались лишь при условии существования у художника страсти общественного характера. Между процессом создания художника в искусстве и жизнью в природе существовала и существует удивительное сходство. Ракушка-жемчужница начинает вырабатывать материал, образующий жемчуг, только тогда, когда весь ее организм отравляется на некоторое время историческим процессом страсти общественного характера. Между процессом создания художника в искусстве и жизнью в природе существовала и существует удивительное сходство. Ракушка-жемчужница начинает вырабатывать материал, образующий жемчуг, только тогда, когда весь ее организм отравляется на некоторое время историческим процессом страсти общественного характера.

Эта обстоятельность со всей силой обнаруживается в очерке в советской литературе, выходящей из писателя, в обличье которых вынашивается характер творческих, движимых идеями рабочего класса, сочувствием всему трудящемуся народу.

Настоящие ценности искусства и раньше создавались лишь при условии существования у художника страсти общественного характера. Между процессом создания художника в искусстве и жизнью в природе существовала и существует удивительное сходство. Ракушка-жемчужница начинает вырабатывать материал, образующий жемчуг, только тогда, когда весь ее организм отравляется на некоторое время историческим процессом страсти общественного характера.

А. ВОЙНОВ

том, чтобы сообщить читателю ряд интересных и поучительных фактов, информировать его, рассказать ему самым деловым образом об интересном и новом деле, об интересном в новых людях. Именно таких очерков, будь то очерки путешествий, или очерки краеведческие, спортивные, или технические, экономические или бытовые, дающие материал обстоятельный и достоверный, увлекательный по самому существу того, что в них сообщается, недостает в наших журналах. Очерк Н. Громова «Сабардинские записки», напечатанный в этом же номере журнала, может служить примером как раз именно тех недостатков, о которых мы говорили выше. Тема записки — колхозы и колхозные люди оседлой Кавказской долины. Герой записки — Бетал Калмыков. Автор слезал, очевидно, немало наблюдая, много видел и много записал, записанного он не организованно, а виденного не продумано. Очерк не создает единого, цельного впечатления, он лишь собственноручно, внутреннею темой и интересен лишь там, где дается материал фольклорный (очень хороша сказка, записанная со слов одного старика в «сломе престарелых колхозников» — «О старом Туте, о колхозном саде, о Бетале Калмыкове и Станисле») или приводятся отдельные выражения и слова самого Калмыкова, очевидно точно записанные. Еще сырой, публицистичен и продуманный материал, автор поспешит тем же мелким, художественно-художественным, в одном сообщении о Калмыкове автор употребляет такое выражение: «...Тогда в рассказе, попутным в случайном, мелькает словно осколок скалы, детской с вершины, кусок жизни, простой и тяжелой, жизни, которой завидуешь, ибо непонятно она». Или: «Путем шел весь вечер. Он выразил у Бетала пролягания». Эта фраза не только фальшива и напыщенна, как и предмыслила, но и неграмотна. О долге можно сказать, что он долг, но о бурате — нельзя.

«Бурмале» желание перевернуть жизнь», поэзия, сопоставляя сухие биографические факты плещом «жизни», которую надо удержать из текста безжалостно.

Несколько слов надо сказать о поэтическом слове журнала. За исключением стихотворения А. Суркова «Семь», написанного в обычной для Суркова серьезностью и правильностью поэтического речя, остальные стихи в номере весьма слабы. Особенно хотелось бы возразить проти-

в том, чтобы сообщить читателю ряд интересных и поучительных фактов, информировать его, рассказать ему самым деловым образом об интересном и новом деле, об интересном в новых людях. Именно таких очерков, будь то очерки путешествий, или очерки краеведческие, спортивные, или технические, экономические или бытовые, дающие материал обстоятельный и достоверный, увлекательный по самому существу того, что в них сообщается, недостает в наших журналах. Очерк Н. Громова «Сабардинские записки», напечатанный в этом же номере журнала, может служить примером как раз именно тех недостатков, о которых мы говорили выше. Тема записки — колхозы и колхозные люди оседлой Кавказской долины. Герой записки — Бетал Калмыков. Автор слезал, очевидно, немало наблюдая, много видел и много записал, записанного он не организованно, а виденного не продумано. Очерк не создает единого, цельного впечатления, он лишь собственноручно, внутреннею темой и интересен лишь там, где дается материал фольклорный (очень хороша сказка, записанная со слов одного старика в «сломе престарелых колхозников» — «О старом Туте, о колхозном саде, о Бетале Калмыкове и Станисле») или приводятся отдельные выражения и слова самого Калмыкова, очевидно точно записанные. Еще сырой, публицистичен и продуманный материал, автор поспешит тем же мелким, художественно-художественным, в одном сообщении о Калмыкове автор употребляет такое выражение: «...Тогда в рассказе, попутным в случайном, мелькает словно осколок скалы, детской с вершины, кусок жизни, простой и тяжелой, жизни, которой завидуешь, ибо непонятно она». Или: «Путем шел весь вечер. Он выразил у Бетала пролягания». Эта фраза не только фальшива и напыщенна, как и предмыслила, но и неграмотна. О долге можно сказать, что он долг, но о бурате — нельзя.

Е. ТРОЩЕНКО

От реки, где то и это: Сад и брызги от весла, Запах ландышевых веток Ты на поле принесла. Принесла друзьям оттуда Долгожданные левкомы И еще — я не забуду — Что-то нежное другое.

Можно подумать, что лирические эти стихи посвящены автору пришедшему известной песни —

«Я люблю тебя за это, Что ты тетка Лизавета, А обо всем за это...»

И т. д.

Не внушает доверия и стихотворение Андрея Алдана «Три дочери» — вольный перевод, или, вернее, самостоятельные стихи на тему, почерпнутую у татарского поэта Киряма Тагиряна. Мотив стихотворения, очевидно, фольклорный, песенный — рассказ о том, как растут у матери три дочери, одна полевой, другая бригадир, третья шофер, и как они потом идут учиться в вуз. Андрей Алдан стал умственно разработать этот сюжет в духе эстрадного романтизма и «сопоставил» его с помощью таких выражений:

И незабудкой первую зовут За тихие сиянье простоты Я требую шипучего огня, Найдите же бокалы поскорей.

Е. ТРОЩЕНКО

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ ХАРАКТЕРЫ

Закаляйся, мужество, Статью и пером. Барятник.

Писатель получил полное признание и высокую оценку. Советская литература гордится его именем, еще выше поднимающим ее авторитет в глазах мужественных борцов революции и социализма.

Произношу это, как ни грустно сознавать, без особой помощи критики. И сейчас, как никогда, творчество Островского нуждается в глубокой и принципиальной оценке. Его книга, ставшая событием в советской литературе, не осмыслена нами событиями, со всеми выводами общественного и литературного значения.

История советской литературы знает уже многочисленные примеры того, как лучшие произведения подвергались попыткам дискредитации со стороны беспомощных критиков. Так, произведения Фурманова были встречены ридом критиков завываниями о богатстве содержания и слабости формы. Эта формула оказывалась всемогущей в руках людей не умевших почитать, что писателя в области искусства литература новую в общественном строе. П. С. Ковал, говоря о «Чалаеве» Фурманова, писал: «Никогда еще содержание не торжествовало так решительно над формой. Это круок истории, логика реальных фактов превращенный в вожвышенную трагедию. Герои, жизнь которых не нуждается в художественных описаниях, потому что она потрясает тем сильнее, чем более деловым, торпливым и небрежным языком рассказано о ней». Этот упрек в документальности, фотографичности, отсутствии художественного обобщения готовы сделать сейчас и Островского люди, охотно признающие все общественное значение его произведений.

Между тем, образы книги «Как закалялась сталь» и в еще большей степени в «Молодой гвардии» романа Островского «Рожденные бури» отличаются признанием полностью художественного произведения, то есть сочетанием жизненной истинности и убедительности этих образов с их глубоко познавательным обобщающим смыслом. «Как закалялась сталь» Островского даже из ряда лучших произведений советской литературы выделяет органическое сочетание жизненности с богатством идейного содержания. Каждая страница, каждый эпизод книги дышат подлинным драматизмом. Захватывающий интерес, с которым читается она, основан прежде всего на высоком напоре действия, на умении вести линию напряженной борьбы, не ослабляя ее ни на минуту, на случайных эпизодах, неупущая ни подробности и подробности. Тщательно и требовательно отбираются все лишнее, мелочное, и эта предельная чистота и правда, о которой высказывается от лица самих действий и событий, отличает в Островском силу художника большого реалистического искусства. Правильность и искренность уже отмечались у Островского. Но почему-то их выносили за пределы художественного, между тем, именно у него они составляют основу и непременное условие художественности.

Эти черты обуславливают и то, что идейное содержание книги само собой вытекает из нее, изображаясь в ее событиях, действиями описываемых характеров.

Художественность произведения далее определяется тем, насколько сильно и последовательно высказывался его главный идея во всех частях. «Как закалялась сталь»

принадлежит к числу тех произведений, что захватывают читателя той страстью и целостностью общей идеи, которой проникнута каждая деталь произведения.

Главная тема книги заключается в раскрытии силы пролетарской революции, формирующей особые человеческие характеры. Особенности революции раскрываются в тех свойствах и качествах, которые воспитывает она в человеке. Маркс, проводя различие в общем характере буржуазных и пролетарских революций, отмечает полную противоположность воспитываемых им характеров. Выстрога победы легкой покаяния, ограниченной ответственности, державы, кратковременности в гражданской героическом периоде — все эти отличительные черты буржуазной революции выработывают характеры, которые так хорошо известны нам по темам классической литературы. Пролетарская революция, рассчитывающая на длительные периоды борьбы, преодолевающая на своем пути небывалые трудности, разрывающаяся в процессе своего осуществления невиданные возможности расцвета человеческого дарования, воспитывает характеры, отличительной чертой которых является прежде всего исключительная цельность и целеустремленность, неспособность преодолеть любые препятствия, высокие мужество и смелый героизм. Именно эти черты отмечает товарищ Сталин в своих партиях, организуемой и осуществляющей пролетарскую революцию:

«Эти люди, очевидно, забыли, что мы, большевики, — люди особого покроя. Они забыли, что большевики не запуганы ни трудностями, ни угрозами. Они забыли, что как носивший Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец, который не знал и не признавал страха в борьбе. Они забыли, что чем сильнее беснуется враг и чем больше впадают в истерику противники внутри партии, тем больше являются большевики для новых борцов и тем четче стремительней движутся они вперед».

Образ Павла Корчагина в книге Островского «Как закалялась сталь» — это образ, в котором, раскрываются прежде всего именно эти отличительные свойства людей, воспитанных партией, пролетарской революцией. Значение книги состоит в том, что в ней впервые после романа Горького «Мать» характер большевика предстает целостно и развернуто во всем богатстве идейного содержания. Писатель берет своего героя с первых шагов пробуждающегося детского сознания. Он ведет его через суровую школу дореволюционной действительности рабочего класса, по этапам революции, наблюдая, как раскрываются в нем черты своеобразные его класса, как воспитываются в нем качества, присущие большевику. Каждый эпизод представляет собой ступень типичных обстоятельств. Вот почему вместе с образом героя, книга дает изображение истории революции и в этом смысле по своему значению может быть поставлена рядом с лучшими книгами советской литературы, изображающими революцию и гражданскую войну. Писатель знает своего героя очень хорошо. Он ему близок. Он связан с ним кровными узами. Но это не значит, что он склонен идеализировать своего героя. Поражает та высокая партийная объективность, которая позволяет автору видеть в своем герое недостатки, реально происходящие к нему, и позволяет дать в образе Корчагина героя живого и целостного в высшей степени.

Всю книгу отличает это удивительное сочетание реализма с высокой откровенностью и партийностью. Эти-

ми чертами наделяет он и сознание своего героя, который учится мудрой логике, фактов и активности революционера. Любопытно сопоставить Корчагина с героем одного из романов Джека Лондона. Лондон известен как писатель, дающий образы сильных, волевых людей. В романе «Мартин Иден» как раз дан такой образ сильного, волевого человека, путь которого в литературе завершился, однако, полным крушением всей силы его характера, его воли к жизни. Человек, достигший славы, физически цветущий, здоровый, кончающий самоубийством. Так вполне логически завершается судьба волевого характера, воспитанного условиями капиталистической конкуренции и борьбы за существование. Корчагин, также прокладывающий себе путь в литературе, неизмеримо больше прочувствует силу воли и характера. Конечный роман, где герой, физический, казалец бы, разваленный, не уходит из строя бойцов даже тогда, когда еще успех его на поприще литературы ему неизвестен, со всей реакцией проводит правду, отличающей сущность воли, воспитанной партией, воли сознательной, основывающейся на героизме и мужестве бойца за интересы своего класса, от воли животной, от воли хищного самоуверждения отличает.

Борьба — это, данное во всех красках, свойственных индивидуальности и возрасту, Островский выделяет умелее даже мелкую деталь, индивидуализирующую образ Корчагина, используя для раскрытия внутренних качеств характера, иногда в самых решающих моментах. Например, в сцене прощания с матерью.

Сопоставляя книгу «Как закалялась сталь» с уже опубликованными главами следующего романа — «Рожденные бури», можно отчетливо обнаружить ее недостатки. В новом романе заметно уже мастерское умение вести многопаралельное повествование, дать резко очерченную характеристику каждому действующему лицу. «Как закалялась сталь», давая законченный и полно разработанный образ центрального героя, перегружает сюжетную линию вторичными персонажами и слишком быстро исчезающими героями, остается в тени некоторые характеры, заслуживающие более полного и обстоятельного художественного анализа. И все-таки «Как закалялась сталь» сохраняет свое высокохудожественное значение. В нем слова, с особой силой, высказались та черта советской литературы, которая так изумительно пронизательно была угадана Энгельсом: осознание высокого и подлинно героического, живого, с сознательным историческим содержанием.

Раскрывая об исторических фактах осознанное содержание исторического процесса, Островский воплощает жанр своего романа.

Проводя различие между классической эпопеей и романом, Белинский отличает от эпопей тем, что откалывается от изложения исторических фактов. Задача романа он полагает в разоблачении внутренней стороны этих фактов, для чего необходимо, чтобы писатель сосредоточивал свое внимание на частной жизни человека. Очень скоро после определения этого принципа буржуазного романа Белинский говорит и о его ограниченности:

«История героической литературы тесно и неразрывно связана с их государственной и политической историей: тогда как история литературы новейших народов есть только история одной стороны существования каждого из них. Это оттого, что как в древнем мире все стихи общественного жанра были тесно и неразрывно

Велемир Хлебников

Медлум и Лейли

Два царя в высоком Курдистане,
Дочь и сын растут у них.
Годы носят свои дани,
Молодые уж невеста и жених.

Серебро и чернь во взоргах,
Дышат неуго ресницы,
Сердце бьется, Лейли шорох
Медлума слушает десницами.

И в жизни царских детей
Плетет паутину страдание,
Жили когда-то между людей
Медлум и Лейли, — так гласило преданье.

В время осеннее,
В день вознесения
Только три посылая
Смертным даю я.
Только раз в году
Я вас вместе сведу,
И с звездой сплелет звезду
Три лобзания на ходу.

Луч золотой
Полночь прозвонит,
То Медлума лобызает той,
Кому Медлум бесмертно мил.

Божественный свет
Горит в небесах,
Несный шлод привет
Дерева в лесах.

Из сумрака серого
Рождается дерево,
Нагибаю к соседу,
И ветв беседу.

Час божества
В листьях растения
Глас существа
Видит в смущении.

И дупа пылет всюду
По лицу земной природы,
И смиряя внимают чуду
Изумленные народы.

Все меняет говор, норгов
И правдивый гонит лик
Для любви нескрывных взоров,
Для проказы и погоня,
И трещет, как огонь,
Человеческий язык.

К временам стародавним
Возвращается племя земли,
Камень беседует с камнем
О веселии вечной любви.

Загорясь противоречем
К временам обыкновенным,
Все запело человечьем
Песен словом вдохновенным.

В этот миг золотого сияния
В небе плещущих огненных крыл
Только выскази лучшие желания
Три, чтобы выбор у господ был.

И почует воздух холо,
Дышит светом ветерок,
И исполнит твою волю
Ветхий денным кроткий бог.

Узрели, что серебряным крылом
Медлум закроет слабу Лейли,
Становится волшебным мудрецом
Среди сынов земли.

— Кто был обжен земной
Сечей отцовских мечей,
По смерти оденется мной
В свечом венка из лучей.

В душах отчаянья мрак,
Если расстроятся любящих брак,
Два разрушенных венца,
Два страдания без конца.

Где живут два рола в споре,
Где отцов пролита кровь,
Тем узнает желан и горе
И безгрешная любовь.

И Медлум и Лейли
Узнают роковое нет,
Что ответить им могли
Питомцы неги слабых лет?

Священны в желаниях родители,
Но и у молодых есть права,
В отчаянии к бессмертия обители
Лейли промовляла слова:

— О, если расставаться нужно
Двоим нам в свете этом,
То разреши, господь, чтоб дружно
Гореть могли мы звездным светом.

Бог, чье страшно молвить имя
Рту земного и везде,
Поведа, чтобы могли мы
Вверить жребий свой звезде!

И молитвы тихой колос
Сотворит зерно хлеба,
И господь услышал колос
С высоты ночного неба.

Где жизни правдой бедность,
Там проходит чудеса,
Лучами прекрасною бедность
Раздвоят небеса.

Где вессиди граница
Нигде не знающего вражда?
И, чуда новая страница,
Горит две яркие звезды.

Небосклон
Двух сияющих сторон
Вам жилищем обречен,
Там блестяте, ты и он.

Там звездой мчась вдоль круга
Над местами, где любил,
Пусть Медлум узнает друга
В ярком вечера светилах.

Ты, отрок непорочный,
Возьмешь простор восточный,
А ты, прекрасная Лейли,
Взойди над сумраком земли.

И покора небесам
Запад выбрала Лейли,
И в восточных звезд лемин
Пригвождает жемчужины.

Старки, подвемля вежды,
Мимо призрака земли
Узнают по тьме одежды
Мимо мчавшей Лейли.

И узреть чело для дум
На восточке между тучами,
Говорят: то наш Медлум
Объят грезами летучими.

Поэма Велемира Хлебникова «Медлум и Лейли» написана в 1913—1914 гг. Текст поэмы занимает одну сторону листа грубой «алякандрийской» бумаги, на оборотной стороне которого находится прозаический перевод и черновики неопубликованного стихотворения. Поэма написана медленным почерком (чернилами), несомненно, в один прием. Это — первоначальная черновая редакция, с поправками, вставками и столь характерными для поэтической практики Хлебникова многочисленными параллельными вариантами (как отдельных стихов, так и целых строф). Большинство строф перечеркнуто вертикальными линиями, свидетельствующими о том, что черновой текст был переписан Хлебниковым, т. е. заново переработан, но, к сожалению, местонахождение другой, более поздней, редакции поэмы в настоящее время неизвестно. В черновой рукописи зафиксированы колебания автора в расположении частей: ряд строф отмечен римскими и арабскими цифрами. Эта авторская нумерация, обуславливающая перестановку частей, была утеряна при компоновке выделенного мной основного текста поэмы, дающего некоторое приближение к связанному чтению. При этом я سعیю сохранить разницу на отдельные строфы, подчеркивающую условность композиции.

Тема разлученных семейной враждой любовников восходит к поэме персидского поэта Неамаи Ганджеви (1141—1203) «Лейла и Меджун», которую Хлебников считал «лучшей повестью арамейцев». (См. рассказ «Ка», 1916 г.).

Н. ХАРДЖИЕВ

Критика очень упорно занимается «превращением индивидов в простые рупоры духа времени» и частично отворачивается от писателя, стоящего в конце с дрожжками губами и широко раскрытыми глазами, в которых блещат слезы. Надо сказать правду: если при рассмотрении роли нам советской литературы мы год от году переходим от общего к частному, от основного к деталям, то европейский Запад, азиатский Восток и обе Америки по сей день еще удивляются от нас лишь самой обобщенной критикой, критикой «птичьего полета».

Очень полезно узнавать об обстановке зарубежной литературы о том, что буржуазная Европа разлагается, а культура США трещит под напором кризиса. Однако об этом мы узнаем несколько раньше, чем доложат нам литературные обозреватели, из более непосредственных источников, на фактах более разительных, чем факты литературного порядка. Зато обозреватели буржуазной литературы могли бы нам много любопытного порассказать о том, о чем молчат поэтики. Ведь разложение и кризис отражаются на литературе не только «вообще», но только на «срочно-идеях», но и на стиле, на изменении жанра, на перехождении из страны в страну тематике, на комплексах моральных и эстетических идей. Нельзя говорить, что так было во все времена и эпохи. Конечно было, но не так и не то. Буржуазная литература достигла за последние десятилетия своего существования большой формальной изобретательности. Смены течений не столь «органичны», как это было в эпоху Бальзака или Золя, просвещения или «бури и натиска». Мастера стилизируют, стабилизируют, аранжируют форму и идеи, и тем отвлеченно влияют на эстетическое искусство. И в то же время комбинация этих форм и идей не лишена блеска, напряженности и остроумия. И в то же время обнаруживаются значительные провалы в области моральных оценок явлений капиталистического мира. Из под брони старой культуры проступают, как капли крови, далеко не одиночные свидетельства нанесенных ей смертельных ран. Наша критика дружно и одногласно отмечает эти серьезные явления, но не мало ли белого констатации для нас? Мы должны дополнить знание, что отбрасываем и почему отбрасываем...

Роман Роллан — ближайший нам среди больших писателей Запада. Он, такой болевой и усталый на вид, дал только что замечательную по мастерству и свежести чувства историю «Очарованной души». Мы знаем трех — по жемьяной мере — Р. Ролланов: того, кто написал «Жан Кристоф», того, кто создал «Кюла», и того, кто попытается связать с нашей современностью свои «Очарованную душу». Метод подачи лирического, личного материала, дилекта характеров, стиль — все молчаливо отприветили и произвели, а в «Очарованной душе» — даже от том а тому. И круг интересов Р. Роллана переместился: «раны» чуть-чуть потеснили «душу», ирония потеряла долю свойственной ему углубленной мягкости. Что рассказала нам критика об этом?

Такой же опытный и большой мастер, как Р. Роллан, но уединенный, замкнутый в себе, Кнут Гамсун не заслужил за последние годы ничего от критики, кроме нескольких укоризненных предисловий. Спорит: старый Кнут как был, так и остался поэтом мелкой буржуазии. Но ведь, если приоткрыться, как следует, старческая разогарованность

«метательность» и тиета его «чуть-чуть-биологических» исходил из жизненных и моральных конфликтов, которых Гамсун искал в себе и вокруг себя с удивительным упорством и даже страстностью.

Последние произведения Р. Роллана и К. Гамсуна дают материал еще для одного наблюдения, также далеко по безразличию для советской литературы. Даже эти старые мастера стали как-то по-новому изображать человека. Мастерство портретного письма, тщательная работа над лепкой характера, как порожек ваяток, так и слитых в союзном идиоме, более сложной фактуре произведений, «Тягичные обстоятельства» начинают требовать все большего и большего внимания к себе. И стилистические характеры трактуется совсем в другой тональности. Выписаны их некогда и негде — «состоятельность» отхватили большую половину полотна. По отношению к «характерам» все чаще применяется метод знаменитого «осколка стекла», сияющего в чехословацком почтом пейзаже. Строгий реализм в подходе «форма» — и некий импрессионизм, скажем, пейзажизмом, в изображении «характеров».

Перейдем от стариков к молодым. Л. Фейтвангер — мастер «состоятельности», это наиболее сильная сторона его творчества. В «характерах» он поворачивает себе и метательность и неопределенность. Тот же заостренный посыл отношений между людьми и душевными состояниями избранных героев характеризует предвоенного Ольдингтона. А диалог «Флорана» — произведение, написанное далеко не сильным рукою? А суждение письмо остро-наблюдательного Селана? Тут возможны любые несомнения и сдвиги, но тем поразительнее обаяние тенденции. Писатель малаших европейских писателей усиливает крайние полюсы в их творчестве: лютые «состоятельности» прорываются через все прерыва, за которыми нитается свистеть поминание личности (они заняты главным образом образом повествования, а не пренебрегающими личностями), а личности эти

все-таки не действуют, а только смотрят и чувствуют, смотрят и регистрируют. Очень много самовещания и анализа, очень мало интуиции, обобщающей мысли, Психология тяжело боленого. Психология ослепленного на Чуртов остров. Если все это хоть в какой-нибудь степени правильно, то поэтика и стилистика этих писателей вовсе не являются только объектом «формалистических» изысканий, а должны изучаться так, как изучаются симптомы серьезной общественной болезни, поражающей массу.

Так же недобрым отношением к критике к менее значительным явлениям европейской литературы, среди которых особого внимания заслуживают многолетнее увлечение колониальной эпохотипией в Германии и во Франции и расцвет общественной сатиры, смежной с «литературой пессимизма» в Англии и Америке.

Еще несколько лет назад Германия и Франция захлебывались экзотической тематикой. О ней у нас много писали и — справедливо — в разоблачительном духе. Но явление это тоже настолько сложное, что пуляется не в одном только клеем отвердения, в нем обобщались целые дуга сопоставлений — от Катина Маршета, Ж. Верна, Купера, от несправедливо забытого у нас Стивенсона, через Дж. Лондона до современных французских экзотистов и тажедонских немецких снобов. Эта дуга сопоставлений так и распылялась на авелья, не отложившись в твердые, критически проверенные очерчения.

Сосем еще недавно Америка и Англия позволили серии романов, в которых показаны весьма утрированные «состоятельности» было отложено гораздо больше места, чем полагается по канону. И что хуже всего, этим утрированным «состоятельствам» не были противопоставлены приятно и жгуче радостно моральному и просветительскому «характеру», каковой противопоставление тоже полагается по священному канону. Эти романы, в пессимизме то и дело подкидывая в грани сатиры, но лишь изредка решившись перебраться эту грань. Американская новелла, как мы это видели по недавно изданному сборнику, перепогодилась в смысле пессимизма роман. А эти юмористы, все эти «степи Полли», «священные жиры», наивно тоскующие по справедливости негры и кобы, горьковатые, утратившие былую уютность анекдоты, — все они в сумме составляют литературное течение, несомненно геологическую прослойку. Особенно выигрывает литература этого рода от сопоставления с творчеством В. Шюу. Среди указанных писателей нет никого острее и проинициальнее В. Шюу. Но Шюу идет против течения и — basta. Шюу способен истопить любой город, даже свой собственный, ежели подойдет настроение. В конечном итоге, в сумме своих памфлетов, он служит делу разоблачения буржуазной нечести, но в каждую данную минуту способен на любой поворот, и его война со старым миром — не настоящая война. Медлительный ад скормного Ольдингтона или тажедонского Вудворта действует дольше и надежнее его великолепных ракет...

Что происходит в литературном мире Испании? Как искореквал фаншан итальянскую литературу с ее заматерелым и, надо признаться, дешевым романтизмом? К чему привело относительное благополучие Скандинавских стран? Мы хотим и в праве, в конце концов, точно знать обо всем этом! И не в птичьего полета, а идея, формы, стиль, жанры — все.

Л. СЕВЕРОВ.

Велемир Хлебников (1885—1922)

ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ

Д. МИРСКИЙ

«Если книга рассчитана на немногих, с тем, чтобы быть исчерпывающим предметом потребления этих немногих, и все это потребление функций не имеет, — она не нужна». Если книга адресована к немногим так, как адресована энергия Волковстрей немощным передаточным станциям, с тем, чтобы эти водостанции разносили переработанную энергию по электрическим лампочкам, — такая книга нужна. Эти книги адресуются немногим, но не потребителям, а производителям. Это семена и зарисовки массового искусства. Пример — стихи Хлебникова. Понятие вначале только северным товарищам футуристам, они десятилетия вариали многочисленные поэмы». Так писал Маяковский.

Хлебников был тем, что англичане называют «поэт поэтов». Влияние его, иногда острое, было принадлежностями враждебным даже предвещаниями вращающимся в космосе группировкам, была всегда почти единодушна. Зато в течение долгого времени поэты были его почти единственными читателями. Это положение меняется. Круг читателей Хлебникова расширяется. Пятидесятое собрание его произведений, выпущенное в 1928—32 г. Ленинградским издательством писателей, впервые давшее Хлебникова в доступной форме (а значительная часть его наследия вообще впервые), почти сразу стало общепонятным широкому «спряжению» Хлебникова — результат пересчитания читателя самим Хлебниковым через посредство «потребляющих его энергию» поэтов. Все-таки Хлебников остался — и всегда останется — «трудным» поэтом, трудным даже для искусственного читателя стихов. И это не только вследствие крайнего своеобразия его поэтического мышления, но и потому, что творчество его крайне неравномерно, и в нем не легко отделить главное и ценное от засоряющего и запутывающего, металл поэзии от шлака.

Хлебников был тем, что англичане называют «поэт поэтов». Влияние его, иногда острое, было принадлежностями враждебным даже предвещаниями вращающимся в космосе группировкам, была всегда почти единодушна. Зато в течение долгого времени поэты были его почти единственными читателями. Это положение меняется. Круг читателей Хлебникова расширяется. Пятидесятое собрание его произведений, выпущенное в 1928—32 г. Ленинградским издательством писателей, впервые давшее Хлебникова в доступной форме (а значительная часть его наследия вообще впервые), почти сразу стало общепонятным широкому «спряжению» Хлебникова — результат пересчитания читателя самим Хлебниковым через посредство «потребляющих его энергию» поэтов. Все-таки Хлебников остался — и всегда останется — «трудным» поэтом, трудным даже для искусственного читателя стихов. И это не только вследствие крайнего своеобразия его поэтического мышления, но и потому, что творчество его крайне неравномерно, и в нем не легко отделить главное и ценное от засоряющего и запутывающего, металл поэзии от шлака.

Хлебников был тем, что англичане называют «поэт поэтов». Влияние его, иногда острое, было принадлежностями враждебным даже предвещаниями вращающимся в космосе группировкам, была всегда почти единодушна. Зато в течение долгого времени поэты были его почти единственными читателями. Это положение меняется. Круг читателей Хлебникова расширяется. Пятидесятое собрание его произведений, выпущенное в 1928—32 г. Ленинградским издательством писателей, впервые давшее Хлебникова в доступной форме (а значительная часть его наследия вообще впервые), почти сразу стало общепонятным широкому «спряжению» Хлебникова — результат пересчитания читателя самим Хлебниковым через посредство «потребляющих его энергию» поэтов. Все-таки Хлебников остался — и всегда останется — «трудным» поэтом, трудным даже для искусственного читателя стихов. И это не только вследствие крайнего своеобразия его поэтического мышления, но и потому, что творчество его крайне неравномерно, и в нем не легко отделить главное и ценное от засоряющего и запутывающего, металл поэзии от шлака.

Хлебников был тем, что англичане называют «поэт поэтов». Влияние его, иногда острое, было принадлежностями враждебным даже предвещаниями вращающимся в космосе группировкам, была всегда почти единодушна. Зато в течение долгого времени поэты были его почти единственными читателями. Это положение меняется. Круг читателей Хлебникова расширяется. Пятидесятое собрание его произведений, выпущенное в 1928—32 г. Ленинградским издательством писателей, впервые давшее Хлебникова в доступной форме (а значительная часть его наследия вообще впервые), почти сразу стало общепонятным широкому «спряжению» Хлебникова — результат пересчитания читателя самим Хлебниковым через посредство «потребляющих его энергию» поэтов. Все-таки Хлебников остался — и всегда останется — «трудным» поэтом, трудным даже для искусственного читателя стихов. И это не только вследствие крайнего своеобразия его поэтического мышления, но и потому, что творчество его крайне неравномерно, и в нем не легко отделить главное и ценное от засоряющего и запутывающего, металл поэзии от шлака.

Хлебников был тем, что англичане называют «поэт поэтов». Влияние его, иногда острое, было принадлежностями враждебным даже предвещаниями вращающимся в космосе группировкам, была всегда почти единодушна. Зато в течение долгого времени поэты были его почти единственными читателями. Это положение меняется. Круг читателей Хлебникова расширяется. Пятидесятое собрание его произведений, выпущенное в 1928—32 г. Ленинградским издательством писателей, впервые давшее Хлебникова в доступной форме (а значительная часть его наследия вообще впервые), почти сразу стало общепонятным широкому «спряжению» Хлебникова — результат пересчитания читателя самим Хлебниковым через посредство «потребляющих его энергию» поэтов. Все-таки Хлебников остался — и всегда останется — «трудным» поэтом, трудным даже для искусственного читателя стихов. И это не только вследствие крайнего своеобразия его поэтического мышления, но и потому, что творчество его крайне неравномерно, и в нем не легко отделить главное и ценное от засоряющего и запутывающего, металл поэзии от шлака.

Хлебников был тем, что англичане называют «поэт поэтов». Влияние его, иногда острое, было принадлежностями враждебным даже предвещаниями вращающимся в космосе группировкам, была всегда почти единодушна. Зато в течение долгого времени поэты были его почти единственными читателями. Это положение меняется. Круг читателей Хлебникова расширяется. Пятидесятое собрание его произведений, выпущенное в 1928—32 г. Ленинградским издательством писателей, впервые давшее Хлебникова в доступной форме (а значительная часть его наследия вообще впервые), почти сразу стало общепонятным широкому «спряжению» Хлебникова — результат пересчитания читателя самим Хлебниковым через посредство «потребляющих его энергию» поэтов. Все-таки Хлебников остался — и всегда останется — «трудным» поэтом, трудным даже для искусственного читателя стихов. И это не только вследствие крайнего своеобразия его поэтического мышления, но и потому, что творчество его крайне неравномерно, и в нем не легко отделить главное и ценное от засоряющего и запутывающего, металл поэзии от шлака.

Хлебников был тем, что англичане называют «поэт поэтов». Влияние его, иногда острое, было принадлежностями враждебным даже предвещаниями вращающимся в космосе группировкам, была всегда почти единодушна. Зато в течение долгого времени поэты были его почти единственными читателями. Это положение меняется. Круг читателей Хлебникова расширяется. Пятидесятое собрание его произведений, выпущенное в 1928—32 г. Ленинградским издательством писателей, впервые давшее Хлебникова в доступной форме (а значительная часть его наследия вообще впервые), почти сразу стало общепонятным широкому «спряжению» Хлебникова — результат пересчитания читателя самим Хлебниковым через посредство «потребляющих его энергию» поэтов. Все-таки Хлебников остался — и всегда останется — «трудным» поэтом, трудным даже для искусственного читателя стихов. И это не только вследствие крайнего своеобразия его поэтического мышления, но и потому, что творчество его крайне неравномерно, и в нем не легко отделить главное и ценное от засоряющего и запутывающего, металл поэзии от шлака.

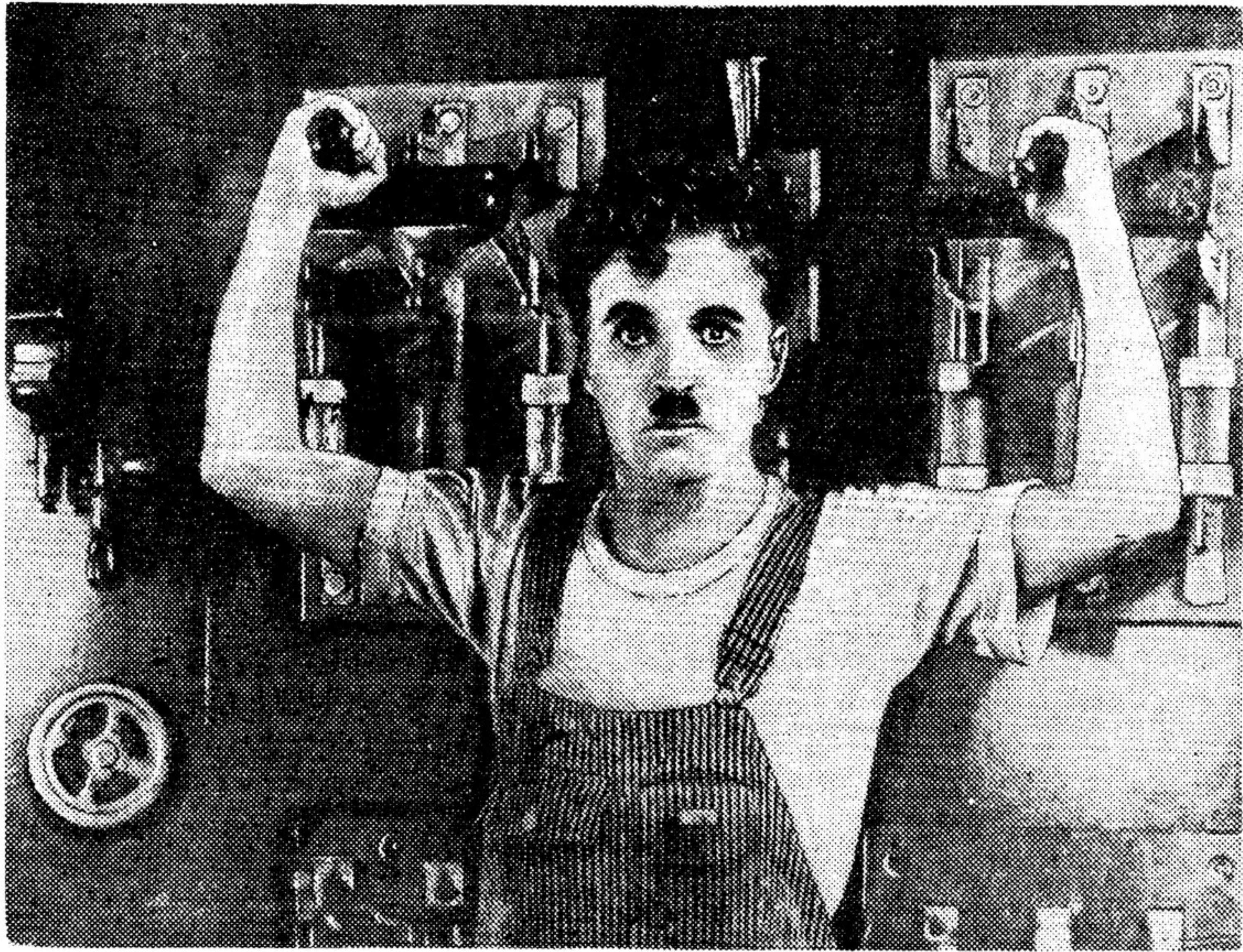
Хлебников был тем, что англичане называют «поэт поэтов». Влияние его, иногда острое, было принадлежностями враждебным даже предвещаниями вращающимся в космосе группировкам, была всегда почти единодушна. Зато в течение долгого времени поэты были его почти единственными читателями. Это положение меняется. Круг читателей Хлебникова расширяется. Пятидесятое собрание его произведений, выпущенное в 1928—32 г. Ленинградским издательством писателей, впервые давшее Хлебникова в доступной форме (а значительная часть его наследия вообще впервые), почти сразу стало общепонятным широкому «спряжению» Хлебникова — результат пересчитания читателя самим Хлебниковым через посредство «потребляющих его энергию» поэтов. Все-таки Хлебников остался — и всегда останется — «трудным» поэтом, трудным даже для искусственного читателя стихов. И это не только вследствие крайнего своеобразия его поэтического мышления, но и потому, что творчество его крайне неравномерно, и в нем не легко отделить главное и ценное от засоряющего и запутывающего, металл поэзии от шлака.

Хлебников был тем, что англичане называют «поэт поэтов». Влияние его, иногда острое, было принадлежностями враждебным даже предвещаниями вращающимся в космосе группировкам, была всегда почти единодушна. Зато в течение долгого времени поэты были его почти единственными читателями. Это положение меняется. Круг читателей Хлебникова расширяется. Пятидесятое собрание его произведений, выпущенное в 1928—32 г. Ленинградским издательством писателей, впервые давшее Хлебникова в доступной форме (а значительная часть его наследия вообще впервые), почти сразу стало общепонятным широкому «спряжению» Хлебникова — результат пересчитания читателя самим Хлебниковым через посредство «потребляющих его энергию» поэтов. Все-таки Хлебников остался — и всегда останется — «трудным» поэтом, трудным даже для искусственного читателя стихов. И это не только вследствие крайнего своеобразия его поэтического мышления, но и потому, что творчество его крайне неравномерно, и в нем не легко отделить главное и ценное от засоряющего и запутывающего, металл поэзии от шлака.

Новые книги

советская литература

П. Антокольский. Поэмы («Робеспьер и Гордон», «Коммуна 71 года», «Франсуа Вийон»). 229 стр., цена 4 р. 75 к., Москва, Гослитиздат.
Дьявольский Вадим. Удар по врагу. Редакция и предисловие А. Буренина. 236 стр., цена 1 р. 30 к., Москва, Гослитиздат.
И. Насанин. Так было. Рассказы. 383 стр., цена 6 р. 25 к., Москва, «Советский писатель».

Чарли Чаплин в новом фильме «Новые времена».

ОБРАЗЦЫ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

По инициативе А. М. Горького издательство «Советский писатель» готовит к изданию микротом «Хрестоматия образцов русской и мировой литературы».
Хрестоматия выйдет в серии пособий для молодых писателей и имеет целью познакомить начинающих прозаиков и поэтов с лучшими произведениями мировой поэзии и прозы.
В 1936 г. предполагается выпустить два тома, посвященных русской и одной западноевропейской (эпоха средневековья и раннего Возрождения) литературе.

ВСТРЕЧИ С Ю. ТЫНЯНОВЫМ «ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ПУШКИНА»

Большой лекционный зал Центрального дома Красной армии был переполнен. На минуту не ослабевал интерес аудитории к докладу Ю. Тынянова. Тынянов развил перед аудиторией свою концепцию пути поэта.
В основе этой концепции, позволяющей предугадать и дальнейшее развитие нового романа Тынянова, лежит стремление снять «грим», возложенный на великого поэта усиленными комментариями, развешивая дым дегтя, окружающих его имя. Живою Пушкина, а не «Пушкина в жизни» — вот что интересует Тынянова; в противном случае творческая судьба поэта выпадает из поля зрения читателя, остается в памяти лишь бытовая обстановка, бытовые аксессуары. Разве случайно то обстоятельство, что в известном труде Вересаева Пушкин, как поэт, почти не фигурирует?

«ДРУЗЬЯ КАЗАКСКОГО НАРОДА»

Встреча с командирами РККА
Если еще на своем докладе о «Жизненном пути Пушкина» Тынянов мог оценить степень серьезности и вдумчивости аудитории, собравшейся в лекционном зале ЦДКА, то еще больше удовлетворение ему, как художнику, должна была доставить вторая встреча — с начальством Красной армии, состоявшаяся 12 ноября.
В первую очередь не могло не польстить писателю то обстоятельство, что буквально все присутствовавшие на встрече командиры (а присутствовало их не мало) обнаружили превосходное знакомство с его творчеством. И, во-вторых, оказалось, что все они — читатели исключительно чуткие, требовательные, умеющие ухватить «прослы с призраком». Писатель должен был ответить на ряд «коварных», как он сам констатировал, вопросов:
— Каково соотношение историчности правды и элементов художественного вымысла в его произведениях?
— На какие принципы он опирается, сообщая своим героям ту или иную манеру речи, и где гранити мжду их речевым стилем и стилем самого автора?
— Какова вообще позиция Тынянова в спорах об историческом романе?

ДЕНЬ ПАМЯТИ С. М. КИРОВА

ЛЕНИНГРАД (Наш. корр.). ЦИК КазАССР наградила почетными знаками пятнадцати писателей Казакстана «друзей казахского народа» — ленинградских писателей Л. Соболева и В. Рождественский (член казахстанской бригады ЛенСОП) были делегированы советом писателей на юбилейные торжества в Казакстанскую республику.
ЛЕНИНГРАД (Наш. корр.). День 3 декабря ленинградское отделение Всероссийского театрального общества и ленинградские организации союз советских писателей, композиторов и художников посвящают памяти Сергея Мироновича Кирова. На торжественном собрании в гос. филармонии с докладом выступил В. П. Золотарев, на траурном концерте будут исполнены произведения ленинградских композиторов, посвященные памяти С. М. Кирова.

русская классическая литература

Н. Гоголь. Мертвые души. Рисунок А. А. Агния. Примечания Н. С. Амукина. II издание, 415 стр., цена 5 р., Москва, Гослитиздат.

иностранный литература

Анри Барбюс. В огне. Предисловие М. Горького. Рисунок А. А. Дейнека. С приложением материалов из газеты «Правда» в связи со смертью писателя. 546 стр., цена 8 р., Москва — Ленинград, «Academia».

Люд Фейхтвангер. Безобразная герцогиня. Исторический роман. Перевод В. Вальдман. Пособие В. Исаксона. 285 стр., цена 5 р. 50 к., Ленинград, Гослитиздат.

фольклор

«Песнь о Козы-Корпече и Баян-Слу». Казахская легенда в стихотворном переводе Г. Н. Тевритина. Предисловие Н. Джансугурова. 120 стр., цена 4 р. Алма-Ата, Казкрайгиз.

ВОКРУГ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ»

Статья Н. Казимирского и М. Антекара, посвященная первому тому редактируемого М. Толковым словаря русской речи («Д. Г.» № 58) — яркий образец невольной критики. Вот несколько примеров, характеризующих критические приемы авторов упомянутой статьи:
1. Авторы утверждают, будто в «Толковом словаре» нет таких политических терминов, как «Красная армия», «Красная гвардия» и т. п. На самом деле под словом «Гвардия» (столбец 645) читаем: «Красная гвардия (полит.) — революционные рабочие отряды, дружины. Возникшая в 1917 году Красная гвардия послужила первоначальным ядром Красной армии». «Красная армия» имеется в словаре в двух местах — в качестве примеров к словам «красный» и «армия».
2. Авторы статьи недоумевают по поводу того, что в словаре рядом со словом «Кавказцы» помещено подразделение грузин — помещено слово «Кавказцы» ошибочно помещено в этнографию, провозгласив критики, — речь идет очевидно о кураках. Но зачем тратить столько остроумия, когда в слове (столбец 1339) читаем: «Кавказцы (полит.) — жандармские казачьи подразделения в составе казачьих частей». «Кавказцы» — это жандармские казачьи подразделения. Нужно совершенно особыми глазами читать словарь, чтобы «не заметить», что в словаре дано рядом два слова «Кавказцы»: одно, обозначающее женскую группу — курчицу.
3. Авторы статьи цитируют: «Корова — самка быка. Бык — самец коровы». Вот, как оказывается, легко оставлять словарь русского языка. Но в словаре на самом деле помещено: «Корова. Самка крупного домашнего рогатого скота, домашнее молочное животное, самка быка». И далее: «Самка некоторых других животных, например, лосей». Таким образом, ошибка в цитатах — это не случайность, а строгая система.

4. Авторы цитируют: «Корейница — гадалка на кофейной гуще» и слова источника свое остроумие: «Почему же в таком случае «корейница» не самец «корейницы», а просто скромный осул для варки кофе?». На самом деле в словаре читаем: «Корейница. 1) Ручная мельница для размалывания кофе. 2) Коробка для хранения кофе. 3) Гадалка на кофейной гуще (устар.)». Понимание удивительная способность читать не то, что написано.
5. Авторы статьи ухитрились «не заметить» даже обширной вводной статьи к словарю, занимающей 56 столбцов и озаглавленной «Как пользоваться словарем». Неудивительно поэтому, что они пользуются словарем не умеют. Из этой статьи они узнали бы, что имеющийся в словаре просторечные и вульгарные выражения помещаются в словарь не для их пропаганды, а для борьбы с ними путем разъяснения их стилистического качества. Так, например, они узнали бы, что если при слове или выражении помещена помета «вульгарно», то это означает, что слово или выражение вульгарно, по своей безопасности и чуждости неудобно для литературного употребления. Соответственно разъяснение настоятельного или прямо запрещающего содержания слогов и при пометках «простореч.» «фам.» (фамилярное), «обл.» (областное). Но и здесь, следуя своему методу цитирования, авторы статьи «не заметили» также самой личности таких стилистических помет при осуждаемых ими грубых выражениях.
6. Неумение авторов статьи пользоваться словарем сказало также и в том, что у них вызывает недоумение объяснение слова «порфирский». Где говорится только о породе камней. Из статьи «Как пользоваться словарем» авторы могли бы узнать, что в словаре не помещены собственные имена, личные и географические имена. Откуда следует, что производные от географических собственных

имен привносятся только в тех значениях, которые не покрываются значением собственного имени. Поэтому под «Варшавиной» в словаре говорится только о революционной песне, под словом «Боржом» — только о минеральной воде и т. д. Но все же и при слове «Норфолкский» даю объяснение: «По названию графства Norfolk в Англии». Но авторы статьи, строго следуя своей системе, и эту помету, очевидно, «не заметили».
7. Утверждение авторов статьи, будто многие слова, помещенные в словарь, представляют собою «сталинскую импровизацию» оставителей и не являются общепринятыми словами русского языка, может вызвать только удивление. Достаточно просмотреть примеры из Маяковского, Солянского, Лескова, Ефлюкского, Достоевского, А. Майкова, Амфилохова и ряда других писателей под словом «пир», «кротун», «кормилец» приведенные в большом академическом «Словаре русского языка», чтобы убедиться в простоте неосведомленности наших критиков. Такую же неосведомленность проявляют авторы статьи, когда объявляют выдуманными такие формы, как «береминный», «женатый», «жербельный», «жербельный» и пр. Во-вторых, и здесь они «не заметили» примеров: «Разве тебе не нравится женатая жизнь?» (Доголь), «Насилье есть повальная бабка старого общества, которое беремно поном» (Афоризмы Маркса). Принятая система цитирования и здесь дает себя знать. Но помимо того, авторы не понимают противоречия между языком и действительностью. Ведь грамматический род — это не то же самое, что реальный половой признак. Грамматическое лицо — не то же, что реальное лицо, а потому в языке действительными лицами являются не только люди, но также животные и вещи. Поэтому естественно встретить в «Холстомере» Толстого выражения вроде «я заржал», «я побесал рысью», «мать моя окре-

ребила Лисого» и т. д. От слова «жербельный» есть первое лицо, потому что когда нужно, мы уверенно скажем именно «жербельный», а не «жербельный» или «жербельный». Но есть глаголы, в которых действительно нет первого лица, хотя они обозначают действие, легко выполняемое человеком, например, «дулеть» или «дулеть». Как сказать «я дул», «я дул»? Поэтому при таких глаголах в словаре сказано: «1-е лицо не употреб.»
Только неосведомленность можно объяснить утверждение авторов, будто такие слова, как «замусорить», «замусорить» и соответствующие глаголы неосведомленного вида, такие слова, как «крестинный» и «крестинный» являются «бесчисленным множеством одного слова»; будто бриллианты не бывают не из алмазов и т. д. Уже и приведенные примеры до- статочно для того, чтобы судить о достоверности статьи Н. Казимирского и М. Антекара. Это не критика, в которой словарь разумеется, великая заслуга, пропавшая в глазах советского общественного мнения серьезное культурное начинание. Конечно, в слове много недостатков, в нем есть и прямые ошибки, но автор статьи удалось указать только на один действительный промах в словаре — на lapsus, допущенный в слове «колнозавозный».
Проф. Д. Н. УШАНОВ.

ИЗБРАННЫЕ ЦИТАТЫ

СТИЛЬ И ЧЕЛОВЕК
И не жаль мне прошлого нуму!
М. Лермонтов.

Горюет: стиль — это человек.
Прочитай иррациональное стило современных художественных произведений и будешь лично знаком с некоторыми сочинителями, не могу с этим согласиться.

Утверждаю: далеко не редки случаи, когда стиль бывает значительно хуже человека, который им обладает.
Вот читая я книжку:
«Огромный оркестр гремел на весь город, толстые и круглые звуки марша проникали в самые отдаленные углы».

Разве хорошо так писать про звуки — «толстые» и «круглые»?
Еще пример:
«Вальс тонким сверкающим впитом пошла в мозг, окутывая его плотной стеной тьмы и невыносимой реж».
Подумайте: тонкий впит, который окутывает стеной! Стена реж, которая входит впитом!

Повесть М. Рудермана — из прошлого Из жизни Полежаева, (Изд. «Молодой гвардии»).
«Кружится голова. Все люди ждуть, и та не приходит. Черные, колдовские ее глаза, легкие кисточки ресниц. Узкое лицо, тело богини... Лепночка».

В сухие детали истории обильно выписывается смазочное масло беллетристики.
«Ката грозила ему кистью, хмурая, меняясь в лице, выдвигая ресницы, черным логотом, газовым воронником, всеми кисточками шарфа, наброшенного на плечи».

Пусть читатель не думает, что Ката есть пытая и избранный перед репроем популярный цыганский тапел. Помешанная Ката под влиянием прочитанных Полежаевых стихов просто стала издрогать — кем? кем? — репроемками, всеми кисточками и т. д. «Студенты», — рассказывает Рудерман, — были одеты в мундир поперх шароваров, в горюехые панталоны, фризювые шинели и круглые шляпы».

Подумайте: мундир поперх (? шаровар, а сверху еще накинута панталон!)
О детстве Полежаева сказано так: «Робелостое, разрыт, дикие гулялки отпа рато состарили мальчишка». Об одном фельдфебеле: «Однажды, в детстве, он был найден оттом в собачьей закутке присосавшимся к старой обложке собока и мурлыкающим от удовольствия».

О юные русских с юрмами: «Каждала задуманная русским солдатом она поднимала десятки смутливых, живущих в поете и молитве мурлыки».

«На арбузных дорогах стали появляться группы горюех... умерших от голода».
Но русские не только дулшли (? овец, а проделывали форменные тулеса, как о том сообщается на странице 79-В. Шутя и играя, они взрывали горюех крепости динамитом, который был изобретен, как известно, лет сорок спустя.

Последнее, впрочем, не может быть отнесено за стел статьи.
Хотя от этого не лече...
КАПИТАН КОПЕЙНИН.

«ТИХИЙ ДОН» В ОПЕРНОМ ТЕАТРЕ

Состоявшаяся в ленинградском Малом академическом оперном театре постановка оперы молодого композитора И. И. Державского «Тихий Дон» (по роману Шолохова) представляет собой весьма крупное событие в истории советского искусства. Спектакль этот оказался первой художественно-полноценной оперой на советскую тему.

Ряд прошлых неудач в области создания оперных спектаклей на советскую тематику («За красный Петербург», «Шпроры», «Северный ветер», «Лед и сталь» и пр.) зародил у многих композиторов серьезное сомнение в том, совместима ли вообще присутствующая опере определенная жанровая условность с искренним стремлением художника глубоко и правдиво отобразить революционную действительность.

Огромной заслугой молодого композитора является именно то, что он не убоится проделывать трудную, но необходимую работу по созданию музыкального языка, соответствующего желанному языку нового искусства — говорить о настоящем. Правда, в этой своей первой опере он ограничился лишь первыми этапами революции и гражданской войны. Но сам факт необходимости для него не только объективно вскрыть, но и положительно утверждать, — вымотил выделен «Тихий Дон» между другими музыкально-театральными произведениями последующих лет.

Невозможность перенести на сцену все сюжетные сипения романа заставила композитора ограничиться лишь его «узловыми» моментами.

Особенности оперной драматургии вынудили либреттиста (И. И. Державский) произвести некоторые частные отклонения от текста романа, конденсировать обшее движение и придать более активное значение некоторым второстепенным персонажам (дед Сашка, Минуг и др.).

Стремясь к выделению репрезентативных музыкальных образов, Державский совершенно правильно оттолкнулся от народной певучести, от бытовых интонаций. Натянутые им выразительные средства сочны и проницательны. Особенно же удачно внутренне и ритмом революционных песен. Благодаря этому музыкальная сторона оперы оказалась глубоко действенной и органичной составной частью спектакля.

Но было бы ошибочным вместе с тем не отметить и серьезного недостатка оперы — неравномерности ее инструментальной стороны. Обладая превосходным тематическим вокально-песенным материалом, Державский не овладел еще той логикой композиционного развития, при которой каждый момент произведения представляется вытекающим из предыдущего: в опере заметны разрывы, «скачки», соединяющие отвлеченные эпизоды.

Наши оперный театр по главе с его музыкальным руководителем акад. арт. С. А. Самосудом — подлинный питомец советской оперы.

С. Л. ГИНЗБУРГ.

РЕДКИЕ КНИГИ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Титульный лист этой книжки: Записная книжка любознательных замечаний Петра Великого, странствующей под именем дьявольница российского посольства в 1697 и 1698 году. Изд. П. Б. В Санктпетербурге печат. с доз. указав. 1788 года.

Долгое время этот небольшой путевой дневник считался произведением неизвестного автора. Только недавно исследователи пришли к выводу, что автором дневника является Петр Великий, совершивший в это время свое первое путешествие по Западной Европе.

Ключевский, давая характеристику Петру, пишет: «Он ехал за границу не как любознательный и досужий путешественник, чтобы познакомиться с диковинами чужой культуры, а как рабочий, желавший спешно ознакомиться с недостающими ему знаниями в области математики, физики, механики, химии, астрономии, географии». Характерна повесть Петра на его заграничных письмах: «За 60 сестер, я пишу вам письма и учавши я требую».

В «Записной книжке» автор добросовестно отмечает все виденное им. Здесь, рядом с описанием общества ученых людей в Амстердаме, находится запись «об обильном роду тюле, который чрезвычайно толст и губы имеет превеликие». Рядом с описанием общества ученых людей в Амстердаме, находится запись «об обильном роду тюле, который чрезвычайно толст и губы имеет превеликие». Рядом с описанием общества ученых людей в Амстердаме, находится запись «об обильном роду тюле, который чрезвычайно толст и губы имеет превеликие».

Ключевский пишет, что «ужас оккупации, когда читаешь эту повесть, едва ли преувеличен». Записные книжки, помеченные «Общественные записки», представляют собой апофеоз трехсотлетнего пребывания в этом доме «Великого Посольства».

Английский епископ Бернет, отдавая должное достоинству русского языка, все же отговаривается почитать неспособные пути провинция, вручившего такому необузданному человеку безграничную власть над столь значительной частью света... «Записная книжка» — чрезвычайно редкая. Она перепечатана в «Отечественных записках» за 1830 год. На книжном рынке полагается очень редко.

Вл. КУНИН.

Врид ответственного редактора Н. Г. ПЛИСКО. ИЗДАТЕЛЬ: Журналино-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стратной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-69.

ЧИТАЙТЕ № 28 журнала «ОГОНЕК» под редакцией Мих. Кольцова
В НОМЕРЕ: ГАЗЫ — рассказ Вал. Катаева; МАСТЕРА ВЫСОТЫ — ПОЛЕТОВ — Лев Ни-улин; В ПОЛЕВОМ СИАНЕ — отрывок из комедии «Богатая невеста» Ильи Ильфа, Евг. Петрова и Вал. Катаева.
НОМЕР БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАН
Цена 50 коп.
Гребуйте в книжках Союзпечати Журналоб'единение

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ МУЗЕЙ
Ленинград, Каляев Гробиолова № 2, Телефон № 2-23-96, трамвай № 8, 12, 14, 20, 23, автобусы № 5, 6, 9 и 4
ВВИДУ ГРОМАДНОГО НАПЫВА ПОСЕТИТЕЛЕЙ ВЫСТАВКА произведений художника В. А. СЕРОВА
открыта ежедневно с 11 час. утра до 8 час. веч.
Заваня на экскурсиях и культурологические приемы на выставке (Каляев Гробиолова, 2) и по тел. 2-23-96.

ВЫСШИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КИНОМАТОГРАФИИ
Москва, 40, Ленинградское шоссе, 44-2, телефон Д-1-88-52
прием на режиссерский факультет (типа академии) продлен до 1 декабря 1935 года

ЖУРГАЗ ОБЪЕДИНЕНИЕ ОТКРЫЛО ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1936 ГОД НА ЖУРНАЛЫ

«ОГОНЕК»
Массовый еженедельный общесоюзный, политический иллюстрированный журнал под редакцией Михаила Кольцова.
13-й год издания.
36 номеров в год.
Подписная цена: 12 мес. — 16 р., 6 мес. — 8 р., 3 мес. — 4 р.
«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»
4-я серия биографий, издаваемых при ближайшем участии Максима Горького.
24 номера в год.
Подписная цена: 12 мес. — 25 р., 6 мес. — 12 р., 3 мес. — 6 р.
«ВЫИТОЖКА «ОГОНЕКА»
Серия книжек из лучших произведений советских и иностранных авторов.
72 книжки в год.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«ЗА РУБЕЖОМ»
Еженедельный журнал-газета под редакцией М. Горького и Мих. Кольцова.
36 номеров в год.
Подписная цена: 12 мес. — 30 р., 6 мес. — 15 р., 3 мес. — 8 р., 50 к.
«ВОСПОМИНАНИЯ СТРЕЛОК»
Орган ЦО Осоавиахим.
12 номеров в год.
Подписная цена: 12 мес. — 4 р., 6 мес. — 2 р., 3 мес. — 1 р., 20 к.
«О М О Л Е Т»
Орган ЦС Осоавиахим.
12 номеров в год.
Подписная цена: 12 мес. — 3 р., 6 мес. — 1 р., 20 к.
«ХИМИЯ И ОБОРОНА»
Орган ЦО Осоавиахим.
12 номеров в год.
Подписная цена: 12 мес. — 6 р., 6 мес. — 3 р., 3 мес. — 1 р., 50 к.
«РАТНИОБРОТ»
Орган ЦО Осоавиахим и Всесоюзного ЦО Осоавиахим при ЦК СССР.
24 номера в год.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«ИЗОБРЕТАТЕЛЬ»
Орган ЦО Осоавиахим.
7-8 год издания.
12 номеров в год.
Подписная цена: 12 мес. — 9 р., 6 мес. — 4 р., 50 к., 3 мес. — 2 р., 25 к.
«БОРЬБА ЗА ТЕХНИКУ»
Массовый иллюстрированный журнал технического воспитания рабочих.
24 номера в год.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«3 А Р У Д Е М»
Массовый популярный иллюстрированный методический журнал.
7-8 год издания.
24 номера в год.
Подписная цена: 12 мес. — 7 р., 6 мес. — 3 р., 3 мес. — 1 р., 80 к.
«БИБЛИОТЕКА «ЗА РУБЕЖ»
Серия популярных технических книг, посвященных различным вопросам агро-технического и дорожного дела.
12 номеров в год.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Научный и научно-прикладный журнал — орган Главного управления субтропических культур НКЗ СССР.
12 номеров в год.
Подписная цена: 12 мес. — 3 р., 6 мес. — 1 р., 50 к.
«МОДЫ СЕЗОНА»
Вольный красочный журнал дамских и мужских мод.
4 выпуска в год — весна, лето, осень и зима.
Подписная цена: 12 мес. — 24 р., 6 мес. — 12 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
Орган Союза советских писателей.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.
«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»
Орган Союза советских архитекторов.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 15 р., 6 мес. — 7 р., 50 к., 3 мес. — 3 р., 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СУБРОТНИК»
Орган Наркомхоза РСФСР.
Выходит 6 раз в месяц.
Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.
«НА ГАЗЕТЫ»
«ЛИТЕРАТУРНАЯ